

Еще раз о задачах социалистов

Несколько слов о нашей программе

Н. Вилонов

2010

Оглавление

Введение	3
Мировой капитализм сегодня.	7
Энергетические пределы капитализма.	11
Сценарии будущего и социалистическая политика в XXI веке.	16
Опыт «реального социализма»: к вопросу о централизации, бюрократии, и плановом хозяйстве.	25
К вопросу о социалистической перспективе в России. Введение в тему.	32
Несколько слов о социальном измерении.	45

Введение

Непосредственным поводом к написанию этих тезисов является дискуссия о создании широкой леворадикальной организации, на основе Левого фронта, СДВ, СоцСопра, и, возможно, ряда других групп.

В то же время, эти тезисы стали итогом длительных, очень непростых сомнений, колебаний, размышлений и решений. Активист левой группы, которым я был на протяжении нескольких последних лет, связан определенными организационными обязательствами, а значит – не может изменять свою точку зрения внезапно и безотчетно; не может допустить, чтобы перемена точки зрения выглядела случайной прихотью. Поэтому и я должен, как минимум, объяснить, почему я отказываюсь от некоторых идей, отстаивавшихся и проводившихся мною в жизнь раньше.

Тупик, в котором оказалась леворадикальная политика в России, стал очевиден довольно многим, в том числе и мне, в прошлом, 2009 году. Моим личным ответом на этот кризис стала теоретическая работа – поиск ответов на вопросы: что происходит с мировым капитализмом? Что происходит с Россией? Что происходит с рабочим классом и его политическим сознанием? Каковы перспективы социализма в XXI веке, и, вообще, что такое социализм? Наконец, каковы непосредственные задачи социалистов в сегодняшней России?

Данный текст и представляет собой, по необходимости краткий, набросок ответов на эти ключевые вопросы. Ответов, которые основаны на длительной работе, и которые были, во многом, неожиданными для меня самого.

Считаясь с политическим жанром статьи, и с терпением читателей, я помещаю политические выводы, имеющие наиболее непосредственное, прикладное значение, в начало текста, во введение, а более подробное их обоснование вывожу в следующие главы.

Итак, данный текст посвящен обоснованию следующих положений:

- Современный капитализм — это капитализм депрессивный, капитализм стагнирующий, капитализм регрессивный.
- Непосредственная причина такого его положения — вялотекущий, затяжной, продолжающийся уже несколько десятилетий кризис перепроизводства, выход из которого может стоить мировому капитализму еще больше, чем его продолжение.
- Даже в случае преодоления этого кризиса, экологические проблемы делают крайне маловероятным новое быстрое развитие мирового капитализма по образцу середины XX века. Затяжной депрессивный фон будет, скорее всего, сопровождать капитализм на протяжении последующих десятилетий XXI века.

- Затяжной упадок капитализма делает настоятельно необходимым для человечества переход к другой экономической системе, которая будет в состоянии осуществлять планомерную экономическую реконструкцию, при (временном?) ограничении объемов производства, и одновременном гарантированном уравнительном распределении базовых жизненных благ.
- Попытки перехода к этой системе, системе централизованного планового хозяйства, будут происходить в XXI веке, как и в XX, первоначально в отдельных странах.
- Однако ситуация будет радикально отличаться от XX века тем, что деградирующий капитализм разрушает свою собственную производственную основу, а тем самым подрывает и самоорганизацию пролетариата. Атомизированность трудящегося большинства будет, вероятно, восполняться, в ходе социалистических революций, усилением роли авангардных политических организаций. Происходить эти революции будут там, на тех территориях, где А) регресс будет ставить под вопрос сохранение самих основ цивилизованной жизни, и, Б) при этом, будет сохраняться хотя бы относительная способность масс к солидарным действиям, и В) будет наличествовать авангардная партия.
- Россия, скорее всего, останется, в обозримом будущем, зоной регресса, с многочисленными глубокими диспропорциями между социальной структурой развитого, индустриального, урбанизированного общества, сложившегося в советский период, и нынешним уровнем развития.
- Российское население в высокой степени атомизировано, расплыено, выпало как из индустриальных, так и из доиндустриальных форм социальной солидарности. Разумеется, какие-то структуры воссоздаются, но процесс это не автоматический, очень тяжелый, очень плохо изученный. Во всяком случае, материальных предпосылок для развития массового рабочего движения традиционного образца, так же как и для массовых социальных движений образца Западной Европы второй половины XX века, здесь практически нет, и логика экономического развития России отнюдь не способствует появлению этих предпосылок.

Исходя из этого, считаю важным отметить следующее:

1. в наших условиях бесполезно заниматься строительством движения, исходя из текущих требований «социальных движений». Социальные движения слабы численно, в них сильны отнюдь не пролетарские элементы, они крайне разнородны. Модель «участия в политике без политизации», т.е. чисто конъюнктурного сотрудничества с теми или иными статусными политиками для решения своих локальных проблем, в условиях крайней слабости движений, является для них вполне естественной, нормальной, законной формой поведения. И совершенно неясно, почему они должны из благодарности за оказанную поддержку «политизироваться» в желательном нам направлении (тем более, что нам самим, часто, непонятно, что же это за направление). Это говорится

не в упрек социальным активистам, которые, повторюсь, действуют так, как для них наиболее естественно и правильно действовать, а чтобы подчеркнуть — построить политическую программу на текущих требованиях социальных инициатив нельзя, точно также, как нельзя построить политическую организацию на активе этих социальных инициатив. «Социализм снизу» может быть прекрасной идеей, в другом обществе и в другие времена, но не здесь, и не сейчас, и в обозримом будущем эта ситуация не изменится.

2. Всякие рассуждения о «переходной программе» в наших условиях не работают, потому что нет, собственно говоря, субъекта перехода. Есть массы, периодически приходящие в движение, но эти вспышки протеста, сами по себе, никуда не ведут, им не нужен, поэтому, никакой «мост». То, что нужно — это не переходная программа, а, так сказать, **«правительственная программа»** социалистов, которая бы содержала ответ на вопрос: что социалисты собираются делать, если придут к власти в России? Только имея ядро подобной программы, можно строить политическую силу, а не субкультурные сообщества и клубы исторических реконструкторов, которыми, в настоящее время, являются почти все леворадикальные группы России.
3. Нужно отказаться от всяких, сознательных и подсознательных, идей о том, что мы, дескать, не можем и не должны строить такую силу, до тех пор, пока массы не поднимутся на более высокий уровень самосознания и самоорганизации. В условиях регрессивного капитализма они на этот более высокий уровень не поднимутся никогда. Переход на социалистический путь не может и не будет выглядеть, как самоосвобождение самоорганизованной массы. В реальности этот переход возможен, только как приход к власти социалистической партии в ситуации очередного витка регресса, очередного ухудшения, общего развала и краха, затрагивающего все общество, в том числе и господствующий класс. Партии, которая национализирует средства производства, начнет восстанавливать «правомерные функции государства», возрождать, по возможности на новой технологической основе, промышленность, сельское хозяйство, социальную сферу, оборону, а также осуществлять эгалитарное, уравнилельное распределение базовых, основных жизненных благ.
4. Разумеется, речь не идет о том, чтобы на основе ядра правительственной программы сразу же, сходу, провозглашать создание такой партии. Это было бы смешным и глупым авантюризмом. Но необходимо вести целенаправленную подготовку именно в этом направлении: теоретическую и пропагандистскую работу, организационную работу по выстраиванию активистских сетей, агитационную работу в различных молодежных средах.
5. Касательно нынешнего проекта объединения: такое объединение представляет собой, безусловно, положительное явление, уже потому, что уничтожает искусственные, во многом, рамки, между близкими, по факту, левыми группами. Однако важно подчеркнуть, что настоящей политической дискуссии, которая бы определила действительные политические, а не субкультурные позиции в

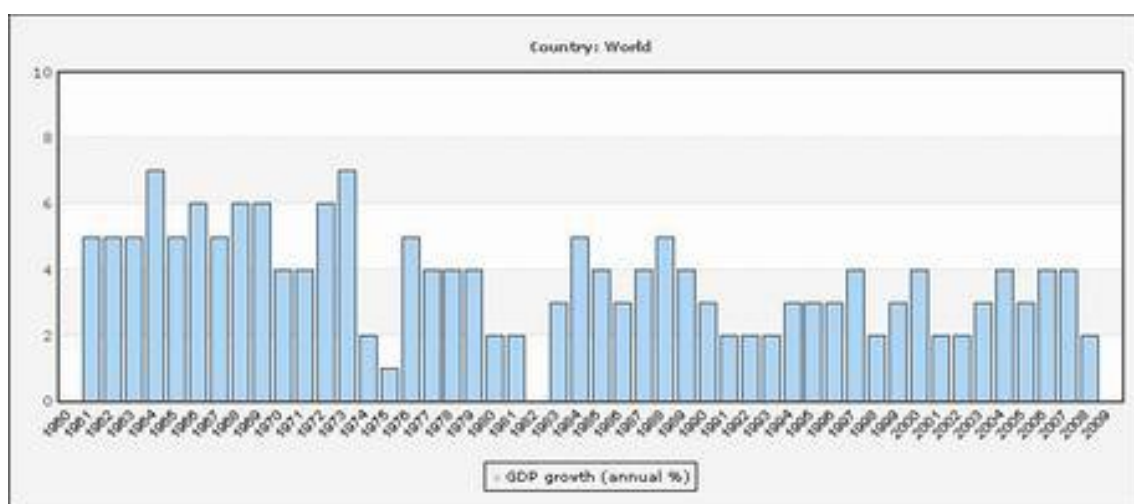
радикальной левой среде, еще толком не было. Поэтому нынешнее «широкое объединение» — это лишь промежуточный этап на пути к действительному самоопределению и действительному организационному строительству.

Обозначив, предельно кратко, главные точки, о которых нужно, на мой взгляд, говорить, перехожу к основному содержанию статьи.

Мировой капитализм сегодня.

Мировая ситуация характеризуется, прежде всего, затяжным депрессивным периодом истории глобального капитализма. Последние почти сорок лет (начиная с 1973 года) продолжается неуклонное замедление темпов роста мирового ВВП, сопровождаемое также замедлением роста производительности труда, застоем инвестирования и накоплений.

Вот, например, данные Мирового банка о темпах роста мирового ВВП, (исчисленного в долларах США 2000-го года) с 1960-го года по 2008 год¹.

Этой общемировой тенденции вполне соответствует преобладающий тренд в развитых капиталистических странах, в странах ОЭСР, как свидетельствуют данные Мирового банка за тот же период, с 1960 по 2008.

С данными Мирового банка вполне согласуются данные МВФ.

Например, вопросу о сравнительной характеристике деловых циклов в разные исторические периоды была посвящена третья глава Мирового экономического обзора МВФ за 2003 год. Там, в частности, отмечалось, что период с 1973 по 2000 гг. значительно отличался от предыдущего периода 1950-1972 гг. Так, если ежегодный рост ВВП в период 1950-1972 гг. составлял, в среднем, 5,3% в год, то в период 1973-2000 гг. он составлял, в среднем, лишь 2,6 % в год. В то же время, периодические кризисы в 1973-2000гг. стали, по сравнению с 1950-1972 гг., более продолжительными и глубокими, а периоды подъема, напротив, более кратковременными (см. таблицу 1, колонки третью и четвертую).²

¹ См. <http://databank.worldbank.org/ddp/home.do?Step=12&id=4&CNO=2>

² См. IMF World economic outlook, 2003, Chapter 3, table 3.1

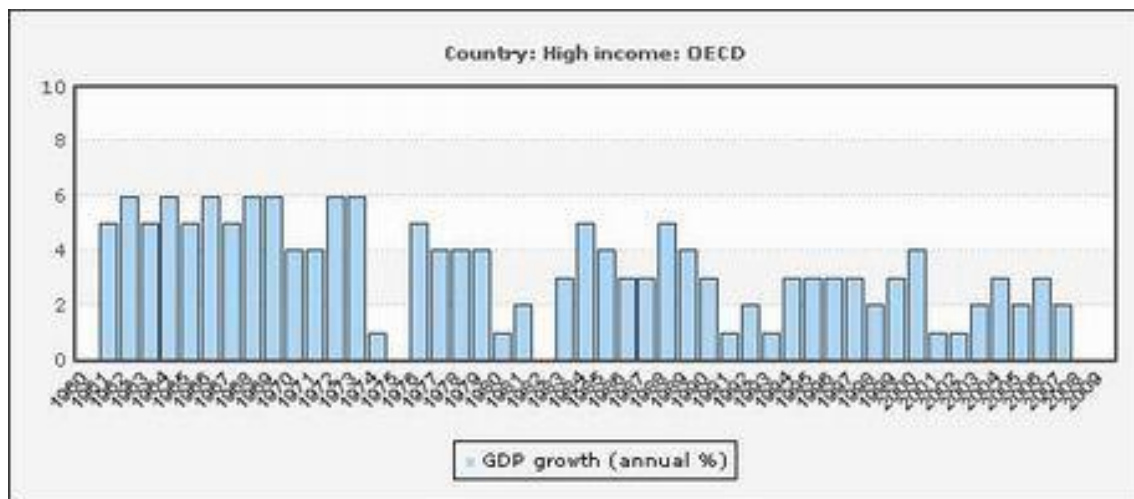

Table 3.1. Recessions and Expansions: 1881–2000

	Prewar 1881–1913	Interwar 1919–1938	Bretton Woods 1950–1972	Post-Bretton Woods 1973–2000
Recessions				
Decline in output				
Average decline in output (percent)	-4.3	-8.1	-2.1	-2.5
Proportion with a decline in output of:				
0–2 percent	29.4	23.5	50.0	57.5
2–4 percent	33.3	17.6	44.4	30.0
> 4 percent	37.3	58.8	5.6	12.5
Length of recessions				
Average length of recessions (years)	1.3	1.8	1.1	1.5
Proportion that were:				
One year in length	79.4	60.8	94.4	60.0
Two years in length	16.7	15.7	5.6	32.5
Three years or more in length	3.9	23.5	0.0	7.5
Proportion of years in recession	24.7	29.4	5.2	13.4
Proportion associated with a decline in investment	58.9	77.4	63.6	96.2
Expansions				
Increase in output				
Average increase in output (percent)	19.8	34.6	102.9	26.9
Length of expansions				
Average length of expansions (years)	3.6	3.7	10.3	6.9
Proportion of years in expansion	75.3	70.6	94.8	86.6
Average number of years until previous peak is reached	2.0	2.7	1.1	1.7
Memoandum				
Average growth rate (percent)	2.8	3.8	5.3	2.6

Sources: IMF staff calculations.

Таблица №1, особенности деловых циклов (1880–2000гг.)

Это, продолжающееся уже почти сорок лет замедление экономического роста мирового капитализма, вызвано, в первую очередь, вялотекущим кризисом перепроизводства³.

Этот кризис наиболее тяжело сказался на, наиболее открытом для международной конкуренции промышленном производстве, бывшим, до тех пор, основным локомотивом капитализма на протяжении без малого двухсот лет. Перетекание капиталов в сферу услуг, а также в финансовую сферу, вопреки оптимистической риторике сторонников постиндустриального общества, не привело к превращению этих сфер в новый двигатель производства, сравнимый по росту производительности с промышленным производством⁴. Общий регресс, пока еще в форме замедления роста, стал преобладающей тенденцией развития мирового капитализма. Практически единственным динамически развивающимся регионом, с быстрыми темпами роста, высоким уровнем инвестиций и пр., остается Восточная Азия, в первую очередь — Китай⁵.

Сфера услуг оказалась менее подверженной этой неблагоприятной конъюнктуре. Но она не может вытянуть на себе экономику и придать ей прежний динамизм, из-за своей более низкой производительности труда. В результате застойные явления воспроизводятся. Тенденция к сокращению нормы прибыли, падение объема инвестиций сказывается и в сфере услуг — ее рост тоже замедляется, только менее медленно, чем в промышленности. Капиталисты на более низкий уровень роста ВВП и роста производительности труда реагируют сокращением инвестиций, сокращением издержек, прежде всего за счёт трудящихся, усилением эксплуатации, а зачастую — прямого разграбления периферийных, зависимых стран. Отсюда же происходит наступление на регулярную занятость, распространение многообразных форм аутсорсинга, замораживание реальных заработных плат. Это позволяет несколько увеличить норму прибыли, но, одновременно, еще больше ограничивает спрос. В итоге, даже относительное увеличение нормы прибыли не создает достаточно стимулов для долгосрочного инвестирования.

Уже в первой половине XX века капитализм достиг такой степени мощи, такого уровня развития, что его кризисы, обновляя капиталистическую систему, ставили ее, в то же время, на грань гибели. Именно такую роль — лекарства, которое хуже болезни, смертельно опасного лекарства, сыграли мировые войны, с великой депрессией между ними. Отсюда постоянное стремление капиталистических правящих кругов избегать, острых и глубоких, системных кризисов, смягчать их и оттягивать, превращая, кризис, тем самым, в хронический и вялотекущий.

³ Подробный анализ мирового хронического кризиса перепроизводства, и политики правящих кругов ведущих капиталистических стран, нацеленной на смягчение этого кризиса, и оттягивание его последствий, см. в работах Р. Бреннера, например, Brenner, Robert, "What is Good for Goldman Sachs is Good for America. The origins of the present crisis" 2009, <http://escholarship.org/uc/item/0sg0782h>

⁴ О пределах роста промышленности в развитых капиталистических странах, и о динамике производительности труда в различных сферах экономики см. например, Michel Husson, "Misere du capital. Une critique de neoliberalisme", 1996 P. 35-40; он же, «Productivite, emploi, et structures de l'appareil productif. Une comparaison internationale» 1996. Он же «Onde longue et crise contemporaine», 2003. <http://hussonet.free.fr>

⁵ См. IMF, World economic outlook 2007. P. 20-22, 49, 61, 211, 217.

Хронический кризис перепроизводства смягчается, наиболее тяжелые его проявления откладываются, оттягиваются во времени, правящими кругами ведущих капиталистических держав за счёт раздувания бюджетных, биржевых, кредитных «пузырей». Когда лопаются очередные «пузыри», наступает кризис, который временно преодолевается за счёт следующего «пузыря». Решительное преодоление хронического кризиса, избавление от создаваемого им общего депрессивного фона потребовало бы, вероятно, масштабного разрушения «избыточного» производства в развитых капиталистических странах, и перемещения центра мировой капиталистической системы в Восточную Азию. Однако размах борьбы, неизбежной при реализации этого сценария, поставил бы под вопрос само дальнейшее выживание как капитализма, так и всего человечества в целом. Готовности к такого рода решительной, в том числе вооруженной борьбе, мы сейчас не наблюдаем, ни со стороны стран старого капиталистического центра, ни со стороны потенциального претендента на гегемонию. Пока они предпочитают находить модус вивенди в рамках существующего экономического порядка, хотя поддерживать этот порядок становится все труднее.

Энергетические пределы капитализма.

Еще более важно, что даже в случае снятия, каким-либо образом, проблем, связанных с перепроизводством, долгосрочные перспективы капиталистического роста оказываются более чем проблематичными. Связано это с тем, что ведущим двигателем индустриальной капиталистической экономики XIX-XX веков было технологическое развитие в энергетическом секторе, позволявшее все более эффективно использовать топливо, как непосредственно в производстве и на транспорте, так и при производстве электроэнергии, затем, также, использовавшейся в промышленности, коммунальном секторе, в сфере услуг, и т.д. Повышение эффективности использования топлива приводит к уменьшению затрат топлива на единицу продукции, и, следовательно, к сокращению издержек. Но именно это сокращение издержек приводит к новым инвестициям, в этой отрасли, к бурному росту производства, и, таким образом, к росту потребления топливных ресурсов в абсолютных значениях. Рост эффективности использования топлива сказывается, в первую очередь и сильнее всего, на энергетическом секторе, и на тяжелой промышленности, обеспечивая рост именно этих секторов экономики. В результате остальные сектора экономики могут пользоваться дешевой (и стабильно дешевеющей) электроэнергией и также дешевеющими продуктами промышленности, т.е. средствами производства. Это делает выгодным и рациональным повышение производительности труда именно за счет инвестиций в совершенствование оборудования, средств производства, в замещение дорогостоящего человеческого труда энергоемким оборудованием.

Именно такой тип развития характерен для индустриального капитализма; и именно ему капитализм обязан большей частью своих успехов. Однако уже в 1960-е годы в развитых капиталистических странах, например, в США, технологические пределы подобного повышения эффективности были, в основном, достигнуты¹.

Дальнейший рывок промышленного развития, теоретически, мог бы быть связан с переходом на другие источники энергии, качественно более дешевые, и с большей энергетической отдачей, чем топливные полезные ископаемые (нефть, газ, и менее удобный, но все еще широко используемый уголь). Однако такого перехода не произошло.

Наоборот, энергетическая отдача от топливных полезных ископаемых неуклонно уменьшается, в связи с исчерпанием более доступных и более качественных месторождений. Промышленная экономика оказалась в ситуации, когда не только нет новых моторов роста, но и старые начинают работать хуже. С одной стороны, нет нового качественного скачка в эффективности производства энергии. С другой сто-

¹ О роли энергетического сектора в экономическом росте развитых капиталистических стран см. Robert U. Ayres, Leslie W. Ayres, Ben Warr. "Exergy, Power and Work in the US economy, 1900-1998". См. также Cutler J. Cleveland, "Biophysical constraints to economic growth", 2003. David I. Stern, Cutler J. Cleveland, "Energy and economic growth" 2004.

роны, то топливо, на котором в основном базируется существующее производство энергии, становится более труднодоступным и дорогим. А это значит, что даже рост эффективности производства топлива будет, во все большей степени, не сокращать издержки производства, но лишь компенсировать их увеличение.

Эксперты спорят о том, наступил ли уже мировой «пик нефти», после которого добыча будет сокращаться, требуя при этом все больше издержек, или нет. Однако сомневаться в том, что он, если еще и не произошел, произойдет в ближайшие десятилетия, оснований очень мало. Открытие новых месторождений достигло своего пика еще в 1960-е годы, и с тех пор неуклонно сокращается. Пик добычи, в такой ситуации — лишь вопрос времени. Пессимисты полагают, что он уже достигнут, примерно в 2005-2008 гг., оптимисты, в том числе официальное Международное энергетическое агентство, относят его к 2020-м годам. Вслед за ним последует пик газа и пик угля. О сроках, опять же, можно спорить. Но общую тенденцию повышения издержек (не только в стоимостном, но и в натуральном выражении, т.е., большая энергоемкость, материалоемкость и т.д., добывающей отрасли) при добыче топливных полезных ископаемых, также как и все большего количества других невозполнимых ресурсов, оспорить невозможно.²

На горизонте маячит **пик добычи большинства металлов, и других полезных ископаемых**³. В сочетании с исчерпанием формально восполняемых ресурсов, таких, как пресная вода, плодородная почва, леса, и другие, скорость добычи которых сегодня на порядки превышает скорость их естественного восстановления, и с последствиями отравления окружающей среды отходами индустриального производства, этот «пик всего» грозит совершенно реальным общим экологическим кризисом⁴.

Альтернативные источники энергии, вплоть до настоящего момента, превосходят по совокупному уровню издержек производства топливные полезные ископаемые.

Подчеркнем еще раз: речь идет не только о стоимостных издержках, не только о денежном выражении издержек, которое, естественно, подвержено влиянию множества факторов, в том числе и краткосрочных, вплоть до биржевых спекуляций. Речь идет и об издержках в натуральном выражении.

Для оценки издержек в натуральном выражении используются разные показатели, одним из наиболее распространенных является показатель EROEI, оценивающий энергетические издержки производства энергии.

² О пике нефти и его последствиях см., например, Charles A.S. Hall, John W. Day Jr., “Revisiting the limits to growth after the Peak oil”; Charles A.S. Hall, Robert Powers, William Schoenberg, “Peak oil, EROI, Investments, and the Economy in an uncertain future”// Biofuels, solar and wind as renewable energy systems. Benefits and risks, Springer, 2008.

Разные оценки доступных резервов топливных полезных ископаемых, и, соответственно, разная скорость повышения издержек при их добыче см.: более оптимистичный вариант в официальном отчете Международного энергетического агентства IEA, “World energy outlook 2008”, особенно р. 40-41, 91-92, 102-103; пессимистический вариант — исследования Energy Watch Group 2008 года, “Crude oil — the supply outlook”, и 2007 года: “Coal — resources and future production”. В том, что касается нефти, разница между официальным и альтернативным подходом сводится, по сути, только к разным оценкам резервов в ближневосточных странах. Поэтому WEO считает, что мировой пик нефти уже произошел, а IEA с оговорками предполагает, что он произойдет ближе к 2030 году.

³ См., например, Andre Diederer, “Minerals scarcity: a call for managed austerity and the elements of hope”. <http://www.theoil Drum.com/node/5239>

⁴ Подробный анализ ситуации связанной с перегрузкой экосистем Земли, и исчерпанием фор-

EROEI — это отношение того количества энергии, которое получено из определенного источника, к той энергии, которая затрачена, чтобы добытую энергию получить. Т.е., например, EROEI нефти — это отношение того количества энергии, которое даст сжигание барреля нефти, к тому количеству энергии, которое потребуется, чтобы этот баррель добыть. Формула EROEI: (ER/EI) — Энергетическая отдача / Энергетические инвестиции) Иначе говоря, EROEI — это отношение той энергии, которая производится энергетическим сектором экономики, но поступает в остальные сектора общественного хозяйства (энергетическая отдача ER), к той энергии, которая потребляется внутри самого энергетического сектора, для его производственных нужд (энергетические инвестиции EI).

При интерпретации значений EROEI, нужно иметь в виду следующие ограничения:

1. С измерением EROEI связан ряд достаточно очевидных проблем.

- В капиталистической экономике основной интерес для хозяйствующих субъектов представляет учет в денежной форме. Учёт в натуральной форме ведется не всегда. Поэтому сбор сведений о том, сколько на каждой стадии производства потрачено энергии в натуральных показателях, затруднен чисто технически — далеко не всегда соответствующие данные можно найти.
- Достаточно очевидно, что данные по EROEI какого-либо источника энергии будут носить усредненный характер. EROEI, допустим, нефти, зависит не только от ее сорта, от региона/страны, где идет добыча, и т.п., но изменяется даже в зависимости от конкретного месторождения. EROEI, например, гидроэлектростанций, настолько зависит от их месторасположения, и настолько сильно варьирует, что попытка посчитать среднее значение в этом случае оказывается вообще лишеной смысла.
- Третья техническая проблема связана с определением границ анализа. Понятно, что для того, чтобы посчитать энергию, затрачиваемую на добычу нефти, мало посчитать только непосредственные затраты. Необходимо включить и те затраты энергии, которые пошли на создание оборудования, используемого для добычи. Но ведь и это оборудование было создано с помощью другого оборудования, при создании которого тоже использовалась энергия. Учитывать ли это? До какого момента проследивать эти энергетические цепочки?
- Принимая во внимание наличие этих технических проблем, а также неполноту данных, мы не должны удивляться тому, что сведения о EROEI тех или иных источников энергии, которые можно встретить в соответствующей литературе, будут, нередко, различаться

2. Количество энергии, которое расходуется, чтобы добыть энергию, никоим образом не является постоянной величиной. EROEI может как увеличиваться, так и уменьшаться.

Так, в случае с топливными полезными ископаемыми тенденция уменьшения EROEI оказывается связана с теми причинами, о которых мы говорили выше, в

связи с идеей «пика». В то же время, изменение технологии способно привести к к увеличению EROEI.

Достигнуто это может быть за счёт увеличения количества энергии, получаемой из определенного количества топлива (т.е., в выражении ER/EI увеличивается числитель), или за счёт более экономного расходования энергии, нужной, чтобы вышеупомянутое топливо добыть(произвести). В этом случае увеличение EROEI происходит за счёт уменьшения знаменателя.

Таким образом, познавательную и практическую ценность представляют не столько значения EROEI в определенный момент времени, сколько динамика этих значений, основные тенденции.

Анализировать эти тенденции нужно, увязывая их с тенденциями (как чисто технологическими, так и экономическими) развития соответствующих отраслей энергетики.

Учитывая все вышесказанное, мы, тем не менее, должны констатировать: исследования, сравнивающие различные источники энергии по ряду характеристик, и прежде всего, по их EROEI, однозначно показывают, что совокупные энергетические издержки в натуральном выражении, при использовании как сегодняшних месторождений нефти, так и альтернативных источников энергии, оказываются сегодня в четыре-пять раз выше, чем это было при использовании угля и нефти в середине XX века.

Это касается даже таких, наиболее исполнимых вариантов, как ядерная энергетика, и ветроэнергетика. По мере того, как будут расти издержки, связанные с добычей топливных ископаемых, альтернативная энергетика станет более конкурентоспособной. Однако даже при условии резкого повышения эффективности альтернативной энергетики, и при условии вложения колоссальных средств (в разы превышающих мировой ВВП) в соответствующую инфраструктуру, **человечество будет обречено в XXI веке пользоваться значительно более дорогой энергией, чем в XIX-XX веках, а также более редкими, более труднодоступными, более дорогими минеральными ресурсами.**⁵

Этого уже будет достаточно, чтобы поддерживать постоянный депрессивный фон в мировой экономике. При этом, сокращение и удорожание источников энергии — далеко не единственная проблема в отношениях капитализма и окружающей среды. Так, **глобальное потепление** будет означать, с высокой степенью вероятности, череду засух и наводнений, превращение целых регионов в непригодные для обитания.

Колоссальные проблемы будут связаны с **кризисом промышленно организованного капиталистического сельского хозяйства**, основанного на хищнической эксплуатации почв, вызывающей быструю эрозию. Эта сельскохозяйственная система до сих пор избегала краха за счёт интенсивного использования минеральных удобрений, и высокой производительности труда, обеспеченной широким приме-

мально восполняемых ресурсов см. в Global Footprint network, Ecological footprint Atlas 2009.

⁵ Сравнение энергетической отдачи от различных источников энергии, перспектив их развития, и связанных с этим технологических и экономических проблем см. в Richard Heinberg, "Searching for a miracle. "Net energy" limits and the fate of the industrial society". 2009. См. также Charles A.S. Hall, "Why EROI matters?" <http://www.theoil Drum.com/node/3786>

нением сельскохозяйственной техники. Однако по мере исчерпания нефти и газа (играющих важную роль в производстве минеральных удобрений и пестицидов, и, тем более, необходимых в качестве горючего для сельскохозяйственной техники), перспективы выживания индустриально организованного сельского хозяйства становится все более сомнительным.⁶

Иначе говоря, наиболее вероятные перспективы мирового капитализма, в обозримом будущем, лежат в диапазоне от вялотекущей депрессии, сопровождаемой растущим неравенством, ожесточенной борьбой за ресурсы между странами и корпорациями, социальным регрессом в большинстве частей света, региональными экологическими и экономическими катастрофами, до общего краха и распада основ цивилизованного общества.

⁶ О проблемах индустриального сельского хозяйства и альтернативах этому типу хозяйствования см., например, Richard Heinberg, Michael Bomford: "Food and Farming transition: toward a post-carbon food system", 2009.

David Pimentel, M. Pimentel, M. Karpenstein-Machan: "Energy use in Agriculture: an overview"; D. Pimentel, M. Pimentel, "Land, Energy and Water. The constraints, governing ideal U.S. population size", 1990, <http://dieoff.org/page136.htm> ;

"Slow, insidious' soil erosion threatens human health and welfare as well as the environment, Cornell study asserts", 2006, <http://www.news.cornell.edu/stories/Aug08/Energy.Food.html>

D. Pimentel, P. Hepperly, J. Hanson, R. Seidel and D. Douds: "Organic and conventional farming systems. Environmental and economic issues. 2005";.

Сценарии будущего и социалистическая политика в XXI веке.

Итак, есть серьезные основания полагать, что XXI век пройдет под знаком регресса. В принципе, в этом нет ничего удивительного. Вошедшая в плоть и кровь европейского (а затем и не только европейского) человека предшествующих двухсот лет убежденность в неотвратимости и, по большому счёту, непрерывности прогресса, не слишком хорошо сочетается с фактами. Любой прогресс в классовом обществе глубоко противоречив. Это не только, и, временами не столько рост производительных сил человечества, сколько увеличение прибавочного продукта, выжимаемого правящим классом из остального населения. Естественно, что темные стороны такого прогресса имеют тенденцию периодически брать верх. И тогда «прогресс» становится проклятием большинства населения, и всего общества в целом. А если подобный острый социальный кризис (результат чрезмерного усердия правящего класса в прогрессивных упражнениях на спине трудящегося большинства) совпадает с экологическим кризисом — ответом природы на чрезмерные усилия все того же правящего класса уже в отношении окружающей среды, то избавление от этого прогресса становится объективно необходимым. Регресс, в такой ситуации, оказывается очень тяжелым, но, объективно, полезным явлением, поскольку разрушает структуры прогресса, оказавшегося тупиковым, и открывает возможности для нового развития. Главное, при этом, чтобы цена регресса не оказалась слишком высокой.

Практически все докапиталистические классовые общества узнали этот момент, когда прогресс оборачивается своей противоположностью. И древневосточные общества, и античный Рим, и феодальная Европа достигали пределов — пределов доступного, на том уровне развития, повышения производительности труда, пределов естественной производительности окружающей среды, пределов эксплуатации народных масс, пределов социальной поляризации, и терпели крах, переживали более или менее длительную полосу отката, регресса. Спустя какое-то время развитие начиналось вновь, и шло по прежней колее (древневосточные общества), или же сворачивало на какую-то другую дорогу. Последний вариант реализовался в Европе, как после античности, так и после средних веков.¹

Сегодня очень вероятно, что к пределам своего развития, социальным и экологическим, подошел капитализм. Расплатой за слишком эффективное извлечение прибавочного продукта служит хронический кризис перепроизводства, расплатой за чрезмерное расходование природных ресурсов — их нехватка, и выход экологи-

¹ О циклическом, от краха к возрождению, и снова к краху, характере древневосточных обществ, и о его причинах см., например, Семенов Ю.И., «Философия истории». М., 2003, С.447-451. О переходе европейского общества от античности к феодализму, и о последующем кризисе феодализма, см. П.Андерсон, «Переходы от античности к феодализму». М., 2007, С. 77-84, 95-98, 103-105, 192-196, 200.

ческих систем из равновесия. Это значит, что избыточное (и причиняющее большинству человечества скорее страдания, чем благо) капиталистическое развитие производства должно быть ликвидировано, как это происходило и раньше, в период краха предыдущих формаций. Человечеству, в том числе и народам России, так или иначе, придется пройти через полосу регресса, придется заплатить за негативные последствия капиталистического прогресса — деградацией окружающей среды, относительно возросшей редкостью и труднодоступностью источников энергии и других природных ресурсов, торможением роста производительных сил.

Тем не менее, сценарии прохождения через регресс могут очень различаться.

Один вариант — продолжение хищнической капиталистической, ориентированной на краткосрочную прибыль эксплуатацию природных ресурсов, как восполняемых, так и невозполнимых. На этом пути человечество ждет катастрофы, и, возможно, полный крах цивилизации. Например, может оказаться, что неизбежный переход на альтернативные источники энергии человечество будет осуществлять лишь тогда, когда топливных ископаемых реально перестанет хватать — в том числе и на то, чтобы обеспечить создание (очень дорогостоящей) инфраструктуры для альтернативной энергетики. В то же время, широкое и бездумное использование угля² (наиболее обильного, но и наиболее экологически «грязного» из топливных ископаемых) приведет к дальнейшей, еще более быстрой деградации окружающей среды, к масштабному изменению климата, делающему непригодным для хозяйственной деятельности целые страны и регионы. Параллельно с засухами и наводнениями, будет ускоряться подстегнутая индустриальным земледелием эрозия почв, а капитализм будет реагировать на кризис сельского хозяйства не изменением принципов земледелия, а повышением цен на продукты питания. Вообще, проблемы, порожаемые экологическим кризисом, будут «решаться» таким образом, что ведущие капиталистические державы будут сталкивать последствия кризиса на слабые страны, и, по мере возможности, друг на друга, а внутри каждой страны расплачиваться в наибольшей степени будут наиболее бедные и незащищенные слои. Нехватка ресурсов и упадок производства приведет к запредельному росту цен на необходимое — на еду, воду, отопление для жилищ, и проч. Но при этом ресурсы будут по-прежнему тратиться на удовлетворение избыточных потребностей платежеспособных слоев населения. Неприкрытый авторитаризм станет наиболее естественной формой управления в этих условиях. Подобный путь закончится, возможно, наступлением острой нехватки энергии, пищи, воды, минералов. Нехватка эта будет настолько значительной, что поставит под удар все социальные институты, подталкивая мир к превращению в огромное Сомали.

Второй возможный вариант предполагает, что в течение XXI века, (а скорее к его середине) человечество, если хочет избежать наихудших кошмаров деградации, должно будет перестроить свою хозяйственную деятельность таким образом, чтобы она соответствовала трём императивам:

² См., например, IEA, WEO 2008, p. 123. Альтернативные расчеты общего объема производства энергии, и объемов использования при этом различных источников энергии см., например, в статье Paul Chefurka “World energy to 2050: A half century of decline”.

1. Невосполнимые природные ресурсы могут использоваться лишь постольку, поскольку без них никак невозможно обойтись.
2. Восполняемые природные ресурсы могут использоваться лишь со скоростью, не превышающей их скорость восстановления.
3. Увеличение объемов производства может происходить лишь постольку, поскольку оно компенсируется развитием энерго- и ресурсо- сберегающих технологий, таким образом, чтобы рост производства не влек за собой рост потребления природных ресурсов.

Что требуется для осуществления такой реконструкции, причем в интересах трудящегося большинства человечества? Какую политику нужно для этого проводить в первой половине XXI века?

- Во-первых, приоритетным направлением инвестиций должны стать инвестиции в перестройку энергетической инфраструктуры, таким образом, чтобы она могла работать, и обеспечивать основные общественные потребности, опираясь не почти исключительно на топливные полезные ископаемые, как это происходит сейчас (нефть, газ и уголь вместе обеспечивают 81,4% производства энергии в мире), а на сочетание остаточного использования топливных ископаемых с ветряной, солнечной, ядерной, гидроэнергетикой, биотоплива — в пропорциях, уместность которых будет определяться в зависимости от конкретного региона и его географических особенностей.

При этом нужно помнить, что при любом подобном сочетании энергетическая система все равно будет более дорогостоящей по сравнению с энергетикой XX века, и не только в денежных, но и в натуральных показателях. Поэтому реконструкцию нужно проводить (строить новые электросети, реконструировать старые, воздвигать ветряки и реакторы, производить для них оборудование, создавать новые системы аккумуляции и хранения электроэнергии, необходимые при использовании непостоянных источников энергии, таких, как ветер и солнце, и т.д., и т.п.) как можно скорее, пока еще остаются значительные запасы относительно доступных топливных ископаемых, потому что потом, по мере их исчерпания, каждый шаг будет труднее, каждое капиталовложение будет обходиться дороже.

Любое подобное сочетание источников энергии будет означать, что доля электроэнергии в энергетической системе увеличится, а доля топлива — резко упадет (не стоит, кроме того, забывать, что издержки на производство топлива, постольку, поскольку речь идет о топливных полезных ископаемых, а не о биотопливе, рентабельном лишь в некоторых регионах, будут неуклонно расти). Это будет тяжелым ударом по тем звеньям сегодняшней экономической системы, которые в наибольшей степени завязаны на топливо, в том числе транспорт и сельское хозяйство. Кроме того, как уже отмечалось выше, сельское хозяйство сильно зависит еще и от минеральных удобрений, производимых из газа и нефти.

Это означает, что другим приоритетным направлением инвестиций должна стать перестройка транспортной инфраструктуры, с опорой на новые источники энергии.

При этом возможности применения электродвигателей в таких видах транспорта, как морской флот или авиация останутся, вероятно, очень ограниченными. Из этого следует, в частности, что широкий товарооборот между странами и частями света, характерный для сегодняшнего дня, скорее всего, не сможет продолжаться на прежнем уровне. Поэтому вся экономическая система должна будет, в большей или меньшей степени, переориентироваться на локальное производство, производство вблизи места потребления. В особенности это будет касаться сельского хозяйства, которому, кроме того, придется осуществлять переход на менее капиталоемкие, но более экологически дружелюбные системы земледелия, несмотря на их меньшую производительность и большую трудоемкость.

Экономические преобразования такого масштаба должны будут серьезнейшим образом сказаться на социальной структуре общества, на образе жизни, и т.д. Из наиболее очевидных последствий вышеперечисленных изменений следует отметить, например, увеличение количества людей, занятых в сельском хозяйстве (в меньшей степени опирающемся на технику, и в большей — на человеческий труд)³, невозможность дальше поддерживать поселения-мегаполисы (с высотными зданиями, снабжение которых водой, отоплением и т.п. требует колоссальных затрат энергии, с гипертрофированным развитием легкового и грузового автотранспорта, морями асфальта, и т.п.) и развитие другого типа городских поселений — небольших городов, где будут органично сочетаться определенные формы сельского хозяйства (например, садоводство), и легкая промышленность, ориентированная на удовлетворение местных нужд; городов, плавно переходящих уже в чисто сельскохозяйственную округу. Наряду с этим, конечно, должна будет сохраниться и тяжелая промышленность: снабжающая легкую промышленность необходимым оборудованием, обеспечивающая функционирование сложной, диверсифицированной транспортной инфраструктуры и, тоже диверсифицированной, энергетики, а также включающая в себя, постольку, поскольку это будет необходимо, производство вооружений. Более того, на определенных этапах реконструкции именно тяжелая промышленность может иметь приоритетное значение.

Однако, целью реконструкции, тем не менее, явится общество, где тяжелая промышленность будет иметь подчиненное, служебное значение — не мотор экономики, не вечный двигатель беспрестанного экономического роста (который невозможен в мире, натолкнувшемся на экологические пределы), а средство поддержания в годном состоянии производственного аппарата, ориентированного, в свою очередь, на

³ В уже упоминавшейся работе D. Pimentel, P. Hepperly, J. Hanson, R. Seidel and D. Douds: "Organic and conventional farming systems. Environmental and economic issues. 2005"; показано, в частности, что органическое земледелие, без использования минеральных удобрений, и пестицидов, способно давать урожаи, в целом не уступающие урожаю, которые дает обычная система ведения сельского хозяйства, а порой даже и более высокие. Однако органическое земледелие, даже при условии использования сельскохозяйственной техники, требует существенно больше человеческого труда, чем земледелие, опирающееся на использование минеральных удобрений и пестицидов. По различным данным, эта разница колеблется от 7% до 75% (в зависимости от того, где, при каких природных, климатических и т.д. условиях производились опыты); в случае, который исследовали авторы цитируемой статьи, это превышение составило 35%. Очевидно, что ограничение использования сельскохозяйственной техники вызовет еще больший рост затрат человеческого труда, чем отказ от минеральных удобрений и пестицидов.

устойчивое воспроизводство общества, на постоянное удовлетворение общественных потребностей на уже достигнутом, оптимальном уровне.

Таким образом, в течение XXI века, (лучше — если уже в первой его половине) должна будет планомерно и последовательно осуществляться грандиозная программа всеобъемлющей экономической и социальной реконструкции, притом, естественно, вне зависимости от краткосрочной прибыльности этих капиталовложений. Наряду с сокращением доступности природных ресурсов, с их удорожанием, это будет означать, что А) во всех отраслях экономики придется сделать энергосбережение приоритетом №1, что тоже потребует дополнительных инвестиций, Б) что ряд отраслей производства придется сокращать, что какие-то общественные потребности придется ограничить.

- Поэтому вторая важнейшая составляющая разумной экономической политики в интересах трудящегося большинства будет состоять в том, чтобы с помощью тех или иных механизмов ограничить и свести на нет фиктивные, избыточные потребности, созданные капиталистической экономикой, и, в то же время, гарантировать удовлетворение базовых потребностей (в пище, воде, одежде, жилье, тепле, медицинской помощи, и т.п.) всему населению, вне зависимости от уровня платежеспособности, по принципу уравнительного распределения.

Очевидно, что обе эти компоненты — ни плановая реконструкция всей экономики, не ориентированная на извлечение прибылей, ни уравнительное распределение не совместимы с сохранением капиталистической экономики — ни вместе, ни каждая из них по отдельности. Условием подобных мер может быть только национализация экономики, (как минимум, стратегически важных, ключевых отраслей экономики, и финансового сектора), и переход управления в руки институтов, на деле представляющих интересы трудящегося большинства.

Политическая задача по-прежнему состоит в том, чтобы, по классической формулировке Маркса, *«отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции ... передать ответственным слугам общества»*⁴ (нелишним будет отметить, что под «обществом» в этом контексте Маркс имеет в виду трудящийся народ, «организованный в коммуны»).

По традиции, унаследованной от предыдущей эпохи, мы с полным правом можем назвать этот двоякий переход власти и собственности — **социалистической революцией**.

Вопрос о движущих силах этой социалистической революции в высокой степени проблематичен. Деграция капиталистического, в первую очередь, промышленного производства, означает и деграцию, распыление, атомизацию рабочего класса. Уникальное положение индустриальных рабочих, отмеченное Марксом в XIX веке, уходит в прошлое. Они больше не являются одновременно и наиболее угнетенным, и наиболее передовым классом; классом, который в наибольшей степени отчужден от гражданской и политической жизни буржуазного общества, но, при этом, в самой навязанной ему производственной организации получает прочную

⁴ К. Маркс., «Гражданская война во Франции»././ К.Маркс, Ф.Энгельс, Сочинения, изд.2-е, т. 17, С.344

основу для консолидации своей силы, и превращения в политического субъекта. Регрессирующий капитализм разрушает (и не без барышей!) ту производственную базу, которую раньше сам же создавал, тем самым, подрывая основы самоорганизации пролетариата. Деградация капиталистического, в первую очередь, промышленного производства, означает и деградацию, распыление, атомизацию его человеческой основы — рабочего класса. Парадоксальным, и непредвиденным ранними социалистами/коммунистами следствием упадка капитализма оказывается упадок его предполагавшегося могильщика.

Среди части как зарубежных, так и российских левых определенную популярность приобрели упреки в адрес рабочих, которые, дескать, за последние десятилетия стали консервативны и реакционны, подобно средним сословиям времен Коммунистического манифеста. В определенном смысле, это действительно так. Проблема в том, что вышеупомянутые левые сами перепутали ориентиры на местности значительно основательней, чем третируемые ими рабочие. Рабочий класс стал реакционным, т.е. противостоящим основному направлению развития, постольку, поскольку само развитие совершило оборот на 180°, и пошло вспять.

Так что основная проблема — это не «реакционность» рабочего класса, а его распыленность новыми экономическими условиями. Уменьшение способности рабочего класса, и в его лице — всего трудящегося большинства, создавать свои устойчивые организации, а значит: накапливать политический опыт и проводить свою собственную, независимую, классовую линию, ставит перспективу социалистической революции под вопрос, несмотря на то, что она объективно необходима, в интересах огромного большинства человечества, да и всего человеческого общества в целом.

С несколько большей уверенностью можно сказать, что как капиталистический прогресс происходил неравномерно, также (и по тем же причинам) неравномерно происходит, и будет происходить в дальнейшем и регресс капитализма. Притом если при прогрессивном развитии, в эпоху, когда «пирог», подлежащий разделу между классами, рос, временами могло происходить смягчение неравенства как внутри отдельных стран между классами, так и между регионами мировой капиталистической системы, между центром и частью периферии, то при регрессе, в период уменьшения общего «пирога», это почти исключено.

Капитализм все еще достаточно силен, и его запасов прочности еще долго будет хватать, чтобы удерживать свои позиции в наиболее сильных странах, за счёт прямого присвоения природных ресурсов зарубежных территорий, использования дешевого труда мигрантов (учитывая, что их количество в мире регресса, социального распада, экологических катастроф, будет только возрастать) и прочих форм империалистического доминирования. Ситуация будет усугубляться тем, что самого по себе кризиса и регресса, сколь угодно глубокого, недостаточно, чтобы избавиться от капитализма. Для этого необходим организованный субъект. А распад и атомизация рабочего класса, наряду с деградацией докапиталистических структур солидарности, делает проблематичным формирование такого субъекта во многих странах. Там, где общество скатится в глубокий регресс, но субъекта социалистической революции не будет, воцарится хаос, не препятствующий, впрочем, зарубежным капиталистическим державам выкачивать из такой территории ценные природные ресурсы, если они там есть.

Поэтому, хотя несомненно, что капитализм — это глобальная система, победить которую можно, в конечном счёте, только в глобальной конфронтации, социалистические революции будут изначально происходить только в отдельных странах. В каких именно? В наиболее общем виде, это должны быть те страны, где глубокий социальный регресс будет сочетаться с хотя бы относительным выживанием социальных структур, опираясь на которые, трудящееся большинство может сорганизоваться на революцию, и с наличием политической организации, способной эту революцию возглавить. Какие страны наиболее соответствуют этим условиям — могут показать только детализированные исследования в сочетании с практикой социальной борьбы.

В зависимости от того, какими именно природными ресурсами, ландшафтом, климатом, социальной структурой, уровнем развития производительных сил, на момент совершения революции, будет располагать каждая такая страна, от того, где именно она будет расположена и чьи именно интересы будет нарушать ее разрыв с капитализмом, будут формироваться особенности ее перехода к социально справедливой и экологически ориентированной системе хозяйства. Однако при этом, в интересах выживания революции, и данной страны вообще, должны будут соблюдаться два вышеупомянутых принципа (первоочередные инвестиции в хозяйственно-энергетическую реконструкцию и, постольку, поскольку этого требует удовлетворение базовых потребностей всего населения, уравнилельное распределение). Более или менее длительное изолированное существование подобных стран, противостояние со всем капиталистическим миром, сделает для них равно обязательным и третий императив — поддержание своей обороноспособности.

Изолированное существование любого из «рабочих государств» или «социалистических государств»⁵ будет стеснять его развитие, затруднять социально-экономическую реконструкцию, как отвлекая силы на оборону, так и ограничивая доступ к природным ресурсам, в тем большей степени, чем меньшей по размеру, менее богатой плодородными землями, водой, полезными ископаемыми, чем более уязвимой для внешнего нападения будет его территория.

Если под социализмом понимать полный контроль общества над своей жизнью, полностью планомерную организацию всего производства, в гармонии с окружающей средой, то ясно, что подобная полная планомерность может быть достигнута лишь в пределах всей Земли. В противном случае, капиталистическое разрушение окружающей среды сможет, например, привести к таким глобальным изменениям климата, которые пустят насмарку все планомерное экономическое развитие на территории социалистического государства, а то и вовсе сделают невозможной жизнь на этой территории (представим себе, например, социалистический остров, затопляемый в результате изменения уровня мирового Океана).

Это означает, что социалистические очаги должны будут всегда помнить о классовой борьбе и интернационализме (понимаемом, как союз народов, борющихся за свое освобождение от Капитала); оказывать поддержку друг другу, и всем народам,

⁵ в данном контексте эти термины применяются, как синонимы, поскольку реальная разница между ними, к настоящему времени, свелась исключительно к традиционным историческим симпатиям каждого автора и/или читателя

борющимся за свое освобождение. Только так народы социалистических очагов смогут избавиться от постоянного давления, стеснения, угрозы, представляемой окружающим регрессивным капитализмом.

В то же время нужно отметить, что возможность «перепрыгнуть» через этап изолированных социалистических очагов, представляется сегодня вполне иллюзорной. Социалистические очаги XXI века будут длительное время, возможно, на протяжении десятилетий, выживать (или не выживать) в условиях превосходящего по силе, агрессивного капиталистического окружения; в условиях, напоминающих условия существования сегодняшних «государств-изгоев», таких, как Куба или Северная Корея.

Условия существования изолированных очагов будут многократно усиливать те черты социалистического общества, которые расходятся как с представлениями классиков XIX века, так и с всевозможными леволиберальными и социал-демократическими идеями о социализме.

Тем более важно говорить о подобных расхождениях прямо и недвусмысленно.

1. Как уже отмечалось выше, социализм XXI века — это отнюдь не прямое, линейное продолжение капитализма; это не «идеальный капитализм», без неравенства и угнетения, с еще более высоким развитием производительных сил, при котором в изобилии живет уже не меньшинство населения, а все люди без исключения. Напротив, многие из потребностей, порожденных капиталистическим развитием, должны будут отмереть при социализме, как несовместимые с поддержанием правильного баланса между производством и окружающей средой. Нельзя даже сказать, что социализм — это общество более высокой производительности труда, чем капитализм. Мы уже говорили выше, что в ряде сфер производства, например, в сельском хозяйстве, вероятно, потребуются переход не к более высокой, а к более низкой производительности труда. Говоря короче, социализм, вопреки мнению классиков — это вовсе не освобождение производительных сил, созданных капитализмом, от капиталистических производственных отношений, не снятие преград на пути беспредельного развития этих производительных сил. Напротив, переход к социализму — это глубочайшая трансформация, как капиталистических производственных отношений, так и капиталистических производительных сил. Главное здесь — не усиление и не ослабление производительных сил, не ускорение и не замедление их роста, а смена типа и направления их развития.
2. Социализм XXI века — это не средство обеспечить продолжение капиталистического прогресса за пределами самого капитализма, а реакция на регресс капитализма, средство обеспечить выживание отдельных народов, и всего человечества в целом, в условиях деградации и краха, порождаемых этим регрессом, средство пройти через регресс со сравнительно наименьшими потерями. Социализм XXI века — это планомерная организация производства, и всей общественной жизни, таким образом, чтобы обеспечить оптимальное (а не максимально мыслимое) удовлетворение базовых (а вовсе не любых) потребностей всего населения в условиях экономической и экологической катастрофы.

3. «Реальный социализм» XX века проиграл борьбу с капитализмом; «социализм XXI века», несмотря на чудовищные стартовые условия, имеет шанс эту борьбу выиграть. Причина этого вовсе не в том, что изолированные социалистические очаги XXI века будут качественно превосходить государства «реального социализма» XX века, с точки зрения экономического развития, уровня развития производительных сил, и т.п. Наоборот, возможно, что они будут уступать своим предшественникам по этим показателям. Однако сам капитализм будет выглядеть уже совершенно иначе, качественно уступая капитализму XX века.

Историческая миссия возможных очагов социалистического строительства в XXI веке будет заключаться в том, чтобы

А) выжить, и сохранить основы цивилизованной, относительно эгалитарной общественной жизни

Б) распространяясь на как можно большие территории, в перспективе — на всю планету, обеспечить выживание человечества

В) перестроить экономическую структуру таким образом, чтобы экономическая деятельность человечества могла осуществляться, не разрушая, недопустимым образом, окружающую среду

Г) переориентировать экономику с бесконечного роста производства ради производства, ради накопления капитала, становящегося абсолютным императивом, и подчиняющего себе все стороны общественной жизни, на удовлетворение ключевых, базовых потребностей населения.

Вероятно, что на основе реконструированного подобным образом производства будет возможно, в дальнейшем, социально-экономическое развитие нового типа, позволяющее индивиду жить и развиваться в гармонии с другими людьми, и с природой; развитие, которое воплотит в жизнь гениальную догадку Маркса, и сделает основным мерилем богатства свободное время, используемое индивидами для культурной жизни, саморазвития, творчества.

Однако сегодня это — лишь гипотеза, лишь «музыка будущего».

Задача ближайших десятилетий — создание, сохранение, расширение социалистических очагов, ради выживания, ради спасения от варварства.

И применительно к этим очагам очень важную роль будет играть опыт «реального социализма» XX века, анализ его сильных и слабых сторон, выявление причин его успехов и его краха.

Опыт «реального социализма»: к вопросу о централизации, бюрократии, и плановом хозяйстве.

Природа стран «реального социализма» всегда, на всем протяжении существования этих режимов, была предметом самого напряженного интереса и самых ожесточенных дискуссий среди левых, социалистически настроенных людей по всему миру. Разброс мнений был крайне широким, от полнейшей идеализации «реального социализма», до полного его отвержения, даже до демонизации. Можно без преувеличения сказать, что все вообще концепции, все варианты понимания обществ «реального социализма» были разработаны левыми. Разнообразным либералам и консерваторам оставалось лишь брать идеи «антисоветских» левых, и приспосабливать к своим нуждам.

Несмотря на крайнее разнообразие левых концепций «реального социализма», у них существуют и общие черты; в том числе, общие моменты присутствуют в понимании отрицательных сторон, слабостей «реального социализма».

Для большинства левых, социалистических критиков «реального социализма» всегда было ясно, что проблемы этого общественного устройства связаны, так или иначе, с бюрократизацией. Дело в том, что во всех «реально-социалистических» обществах сохранялась особая социальная группа лиц, профессионально занятых в аппарате управления, составлявших этот аппарат. Эту группу профессиональных управленцев и называют, обыкновенно, бюрократией. Эта группа, отличающаяся от рабочего класса и трудового крестьянства по своему социальному положению, имеющая свои собственные, более или менее осознанные интересы, способная, по роду своих занятий, поставить себя над трудящимися массами, всегда представляла очевидную угрозу власти трудящегося народа и социалистическому строительству. Этот тезис стал общим местом еще в первые годы первого «реально-социалистического государства», Советской России, еще при жизни В.И. Ленина.

Важно отметить, что существует два, как минимум, кардинально отличающихся друг от друга подхода к трактовке, к пониманию бюрократической угрозы. В зависимости от того, чем именно опасна бюрократия, по-разному видятся, естественно, и пути борьбы с этой угрозой, и пути строительства социализма в целом.

- Подход, объединяющий анархистов и ультралевых марксистов, исходит из того, что основная опасность заключается в самом существовании бюрократии. Если уничтожены частная собственность, все средства производства переданы государству, но, при этом, существует бюрократия; если именно бюрократия занимается управлением, это, по мнению ультралевых, означает, что бюрократия

и является правящим классом в подобном обществе. Классом, который коллективно владеет средствами производства, и эксплуатирует трудящихся. «Социалистический» характер подобных государств, по мнению ультралевых, есть лишь мираж, иллюзия, плод циничного обмана (даже если изначально это не просто обман, но, отчасти и самообман «социалистических» бюрократов). Соответственно, задачей трудящихся, по мнению ультралевых, является борьба, как против капиталистических, так и против лжесоциалистических, а на самом деле бюрократических, «государственно-капиталистических», «бюрократически-коллективистских», и т.п., режимов. Подобную же точку зрения на «реальный социализм» порой принимали и социал-демократы, также как и не социалистические, либеральные и консервативные критики «реального социализма». Для буржуазных противников «реального социализма» анти-бюрократический пафос ультралевых очень удобен. Но альтернативой «реальному социализму» они считают не всеобщее самоуправление, как анархисты, а капитализм (чаще всего — в обрамлении буржуазной демократии).

Основной проблемой подобного подхода следует считать то, что практически за сто лет (больше, чем за сто лет, если считать одних анархистов), эти «антиавторитарные» революционеры так и не смогли объяснить — каким же образом может, причем не в сферическом вакууме, а в нашей, земной, реальности, происходить социалистическая революция, не создающая, с первых же шагов, своего аппарата управления, аппарата принуждения, и т.п. В тот единственный раз за всю историю XX века, когда анархисты были действительно массовым рабочим движением, способным играть существенную роль в масштабах целой страны, т.е. в Испании 1930-х годов, руководимая анархистами НКТ очень быстро сформировала свою бюрократию, которая обособилась от рядового актива, и стала, во все большей степени, проводить свою политику. Крайним проявлением особой, весьма нетрадиционной для анархистов линии, стало вступление представителей НКТ в состав буржуазного правительства¹. При этом, что характерно, выиграть революционную борьбу, даже временно, анархисты все равно не смогли. И не последнюю роль в их поражении сыграла постоянная игра анархистских руководителей и ведущих активистов в прятки — с самими собой, со своим рядовым активом, со страной, с историей. Двигать революцию вперед — означало создать свой аппарат управления и принуждения, более того — установить свою диктатуру. В то же время, вся их идеология рассматривала взятие власти, взятие аппаратов управления и принуждения в свои руки, как предательство народа, предательство революции. Поэтому, вместо того, ставить вопрос о революции так, как он только и может стоять, т.е., как вопрос о власти, анархисты путались в трех соснах, ходили кругами, лишь бы не говорить о взятии власти и об установлении своей диктатуры. Неизбежная, в такой ситуации, атмосфера растерянности сильно способствовала тому, что наименее революционные элементы в НКТ смогли возобладать — но не с программой взятия власти, а с программой участия во власти, не с

¹ Анализ ошибок НКТ с анархистской точки зрения, интересный, тем не менее, приводимыми фактами, см., например, в работе Вадима Дамье «Забытый Интернационал. Международное анархосиндикалистское движение между двумя мировыми войнами». Т. 2, М., 2007, С. 324, 336, 396-404.

программой свержения буржуазии, а с программой приспособления к буржуазному правительству.

Таким образом, этот опыт вновь показал: можно сколько угодно говорить о зловредности бюрократии, сидя у себя в кабинете, или даже в рабочем кружке. Многое из того, что вы скажете, будет даже верным. Однако вы не сможете создать действительно массовую рабочую организацию — не создавая бюрократический аппарат. Вы не сможете двинуть революцию вперед, не беря в свои руки организацию общественной жизни и подавление врагов, т.е., не приходя к власти и не создавая соответствующих профессиональных аппаратов.

Конечно, можно надеяться, что когда-нибудь человечество достигнет такого уровня развития, что не будет нуждаться ни в каких профессиональных управленцах, а все организационно-хозяйственные, социальные и прочие вопросы будут решаться всем населением сообща. Однако крайне наивно рассчитывать, что такие условия смогут возникнуть в недрах капитализма. Это было наивно в XX веке, тем более это наивно сегодня, в эпоху, когда капитализм принял регрессивный характер, когда он не только не создает условия для подготовки трудящегося населения к самоуправлению, но уничтожает и те предпосылки самоорганизации и самоуправления, которые существовали ранее.

- Другой подход к пониманию бюрократической угрозы характерен для ленинских направлений марксизма. Это ортодоксальный троцкизм, и левый сталинизм, с его разнообразными маоистскими, ходжаистскими и т.п., ответвлениями².

Суть их общего подхода к проблеме бюрократизации заключается в следующем: **во-первых**, признается, что, хотя бюрократизация и представляет большую опасность, социалистическая революция мыслима только путем захвата власти, создания своего, рабочего, государства, которое, в свою очередь, не сможет обходиться без профессиональных аппаратов. Таким образом, борьба с бюрократией переносится в плоскость правильного политического руководства, правильного контроля, и своевременного пресечения нежелательных рабочему государству тенденций развития бюрократического аппарата.

Во-вторых, общества «реального социализма» XX века рассматриваются ленинистами не как еще один вариант эксплуататорского общества, а или как социализм (но социализм незрелый, с рядом неизжитых капиталистических черт, с питательной почвой для возрождения враждебных, эксплуататорских классов, и т.п.), или как общество, переходное к социализму, общество диктатуры пролетариата (опять же, с рядом искажений, с неизжитыми капиталистическими чертами, и т.п.)³. В любом случае, общество «реального социализма» понимается ленинистами, как наиболее

² Разумеется, между этими традициями также существуют важные разногласия. Впрочем, я склонен считать, что подавляющее большинство этих разногласий в настоящее время сохранились только в силу исторической памяти, давно лишившись реального политического и теоретического содержания.

³ Разница между современными сталинистами, и ортодоксальными троцкистами, оказывается, в этом отношении, чисто терминологической. То, что сталинисты называют «социализмом» и «коммунизмом», у троцкистов называется «рабочим государством» и «социализмом», соответственно.

справедливое, и наиболее близкое бесклассовому, из существовавших в XX веке, как реальная альтернатива капитализму.

В-третьих, государственная собственность на средства производства, и плановый характер управления экономикой, рассматриваются всеми ленинистскими направлениями, как основа всего лучшего в обществах «реального социализма», как тот базис, на котором вырастали социалистические черты этого общественного устройства. Государство, сохраняющее и развивающее это плановое хозяйство на основе государственной собственности, расценивается, как государство рабочего класса, несмотря на то, что функции непосредственного управления находятся в руках профессиональных управленцев, а не всего рабочего класса в целом.

В чем же, в этой перспективе, заключается угроза бюрократизации? Она заключается в том, что бюрократия, как социальная группа А) обособливается от рабочего класса, от трудового народа в целом Б) в том, что бюрократия становится проводником оппортунистических влияний на политическое руководство В) в том, что бюрократы стремятся обеспечить себе привилегии и «спокойную жизнь», гарантировать стабильность своего пребывания на высоких постах, поставить свое процветание вне зависимости от результатов своей работы Г) в том, что бюрократы ставят свой личный интерес выше общественного, свой ведомственный или региональный интерес — выше общегосударственного, и, тем самым, постоянно подрывают плановое хозяйство Д) в том, что логическим следствием из всех этих тенденций, органически присущих бюрократии, становится, при благоприятствующей ситуации, переход значительной части бюрократов на прокапиталистические позиции, с тем, чтобы превратить свое распоряжение государственным имуществом в право частной собственности, чтобы приватизировать государственную собственность, разрушив, при этом, общенародное плановое хозяйство.

Таким образом, позиции ленинистов и ультралевых, и в отношении государств «реального социализма», и в отношении бюрократии, являются, на деле, не просто различными, но диаметрально противоположными. Ультралевые считают плановое хозяйство стран «реального социализма» эксплуататорским, принадлежащим бюрократии. Ленинисты считают плановое хозяйство стран «реального социализма» принадлежащим трудовому народу. Ультралевые считают бюрократию правящим классом стран «реального социализма». Ленинисты считают бюрократию подчиненной, необходимой, но чуждой и опасной социальной группой в обществе «реального социализма». **По мнению ультралевых, отрицательная, антинародная роль бюрократии в странах «реального социализма» заключалась в том, что она сохраняла этот строй. По мнению ленинистов, отрицательная, антинародная роль бюрократии в странах «реального социализма» заключалась в том, что она этот строй разрушала, и, в конце концов, почти везде разрушила, заменив его капитализмом, более соответствующим ее интересам.**

Предполагаю, что если ультралевое, анархистское направление политической мысли окажется в XXI веке столь же бесплодным, сколь и в предыдущем столетии, то ленинистское направление, напротив, сможет, при условии дальнейшего развития, стать методологической основой для социалистической теории и практики XXI века. В пользу именно такой оценки ленинистских концепций говорит, помимо прочего, и то, что именно эти концепции позволяют развить наиболее адекватное

понимание как сильных, так и слабых сторон «реального социализма». Сегодня мы об этом можем говорить с большей уверенностью, опираясь, в том числе, и на историографию последних десятилетий, созданную на основе значительно более широкой источниковой базы, чем работы об СССР и других странах «реального социализма» создававшиеся, так сказать, прижизненно, до начала 1990-х годов.

При этом, разумеется, нужно учитывать, что очень многие научные работы о странах социализма, созданные за последнее время, написаны с ярко выраженных антисоциалистических позиций. Поэтому, разбираясь в них, нужно отделять тот материал, который они дают (зачастую интересный и важный) от его интерпретации (как правило, более чем спорной). Характерным примером именно такого рода работ является книга, в значительной степени обобщающая результаты изысканий значительного количества авторов по интересующей нас теме, т.е. по организации и функционированию советского планового хозяйства — работа американского историка экономики Пола Грегори «*Политическая экономия сталинизма*».

Грегори, последователь таких теоретиков, как фон Хайек и Мизес, убежденный сторонник «рыночной экономики», естественно, стремится показать, своей книгой, что советская экономическая система была абсурдна, нерациональна, не легитимна, и т.д., и т.п. В сущности, это вывод не столько из приводимого им материала, сколько из разделяемых им априорных теоретических конструкций. Он начинает работу изумлением: как могла подобная система существовать? и заканчивает выводом, что она существовать не должна была, хотя и существовала. Однако, при всем при этом, не стоит игнорировать тот материал о слабых сторонах советской экономики, который Грегори приводит: будучи историком, пусть хоть сколько угодно ангажированным, он берет свои данные не с потолка, а из переписки руководителей СССР друг с другом, и из архивов соответствующих советских учреждений (больше всего он рассматривает документацию наркоматов тяжелой и легкой промышленности за 1930-е годы).

Эти материалы подтверждают многое из того, о чём говорили критики СССР. Прежде всего, они позволяют составить представление о тех трудностях, которыми сопровождался процесс планирования, и управления вообще, централизованной советской экономикой. Отчасти, это были технические трудности: Госплан просто физически не мог просчитывать десятки миллионов показателей по всем видам продукции, определять все материальные балансы, и проч. Поэтому Политбюро и Госплан, на деле, определяли лишь очень небольшую, наиболее важную часть показателей, основная же часть планирования производилась на местах и лишь утверждалась центром.

Однако еще более важную роль играли трудности не технического, а социального происхождения. В условиях, когда учреждения работали не самостоятельно, как при капитализме, а в рамках общего плана: по плану получают ресурсы, и по плану же должны отгрузить продукцию, каждое учреждение, будь-то наркомат, главк, трест, предприятие, и т.п., было заинтересовано в том, чтобы получить как можно более мягкое плановое задание, и как можно большее количество материальных ресурсов, для его выполнения.

Даже в 1930-е годы на всех уровнях системы шла постоянная «борьба за план». Члены Политбюро, возглавлявшие те или иные наркоматы, старались выбить наилучшие

условия существования для своих ведомств (т.е., побольше ресурсов и поменьше плановых заданий). Некоторые из них, особенно упорствовавшие в этом направлении, как, например, Орджоникидзе и Микоян, постоянно вызывали этим неудовольствие Сталина, периодически обвинявшего их в бюрократизме, рвачестве, нечестности, и т.п. Впрочем, их это не очень смущало. Внутри наркоматов такую же политику вели главки, внутри главков — предприятия и тресты. На всех уровнях нижестоящие управленцы пытались добиваться своего от вышестоящих, как с помощью разнообразных просьб, кляуз, попыток свалить вину за трудности друг на друга, так и манипулируя отчетностью, которую они должны были предоставлять в вышестоящие, в том числе планирующие, инстанции. Учитывая, что без этой, поступающей «снизу», информации, никакое осмысленное планирование невозможно, негативную роль подобного манипулирования невозможно переоценить. Характерным явлением было составление главками, и даже наркоматами, двойных планов (один — для внутреннего пользования, другой — официальный, для предоставления в вышестоящие инстанции на утверждение), выбивание большего количества ресурсов, чем было в реальности нужно, чтобы выполнить план, и т.д.⁴ Таким образом, все эти действия, все эти ведомственные схемы поведения имели одну, стабильную равнодействующую: они препятствовали росту объемов производства, и раздували издержки производства, т.е., активно способствовали снижению эффективности производства в целом.

Итак, плановая система управления хозяйством СССР 1930-х годов предстает перед нами отнюдь не как четкая, отлаженная, работающая с автоматизмом машины, структура. Напротив, ей постоянно противодействовали, ее постоянно подрывали, разнообразные ведомственные, региональные, групповые и личные интересы. Интересы целого отстаивались в непрестанной борьбе: главков — против директоров предприятий, в борьбе за интересы главка в целом, наркомов — против главков и предприятий, в борьбе за интересы наркомата в целом, Сталина и двух-трех его заместителей (Молотов, Каганович, и т.д.) — против наркоматов, за интересы всей системы, всего единого народного хозяйства в целом. Однако успех этой борьбы оказался довольно ограниченным. Ни стимулирование, ни контроль, ни широкое применение репрессивных методов не уничтожили тенденцию к ведомственности. Максимум, чего удавалось добиться: ограничить ее действие. Это служит еще одним подтверждением того тезиса, что эта тенденция органически порождалась самими условиями существования, самими принципами организации советской экономики.

Но как же тогда, в этом случае, советская экономика могла не только существовать, но и успешно развиваться, обеспечивая быстрые темпы индустриализации, строительства, социального развития? Чем компенсировалась встроенная в систему склонность распадаться на ведомственные и региональные клики, и впадать в застой? Слабые стороны централизованной советской экономики с лихвой компенсировались ее способностью сосредоточить максимальное количество ресурсов, материальных и человеческих, на ключевых, решающих направлениях развития. Именно это позволяло в исторически короткие сроки осуществлять колоссальные транс-

⁴ См. Грегори, Пол. «Политическая экономия сталинизма», М., 2006., С. 175-177, 181-189, 216-226, 246-266.

формации, вроде советской индустриализации 1930-х годов, достигать огромных результатов при нехватке ресурсов, побеждать в критических, почти безвыходных ситуациях. Именно это с лихвой компенсировало недостатки централизованного планирования.

Понятно, что если центральное руководство не может проконтролировать, обеспечить работу с максимальной отдачей всех звеньев народного хозяйства, то сделать это применительно к нескольким решающим направлениям, от которых зависят, в исторической перспективе, все остальные, значительно легче. Таким образом, наиболее существенный элемент планирования, при централизованном управлении — это правильно определить наиболее важные звенья, те звенья, потянув за которые, можно вытянуть всю цепь. Второй элемент сводится к тому, что это понимание, эта концепция развития должно не просто быть выработано, но должно стать предметом довольно широкого согласия в обществе в целом, и, в управленческом аппарате в частности. Именно это условие удалось выполнить в Советском Союзе 1930-х годов применительно к индустриализации и сопутствующим преобразованиям. Планирование было несовершенным, зачастую просто хаотичным, но, как бы не менялись планы, все плановики, разных уровней, более или менее ясно осознавали и проводили в жизнь общие экономические установки: приоритет тяжелой промышленности, военно-промышленного комплекса, высокий уровень инвестиций и накопления капитала были теми ориентирами, из которых должны были исходить все советские руководители, принимая свои решения.⁵

Там же, где способность политического руководства обеспечивать централизацию вокруг ясных, долгосрочных, общепризнанных приоритетов, и контролировать, во имя этих приоритетов, деятельность ведомств и предприятий сокращалась или пропадала, пропадали и преимущества планового хозяйства.

Ссылки на работу Пола Грегори даются мной, отчасти, именно потому, что Грегори является безусловным противником и СССР, и сталинизма, и идеи планового хозяйства вообще. Существуют и иные работы, приводящие к сходным выводам, но написанные с других, тоже критических, но более дружественных сталинской политике, позиций.⁶

Говорю об этом, чтобы подчеркнуть: вне зависимости от отношения к дискуссии о том, когда именно в СССР началось бюрократическое перерождение, в 1920, 1923, 1953 или когда-либо еще, вне зависимости от оценки политики Сталина, например, по отношению к ликвидации партмаксимума, к китайской революции, клевой оппозиции (историческая дискуссия по этим и другим темам, безусловно, продолжится), необходимой, ключевой составляющей пропаганды и политики сторонников социализма в XXI веке должна оставаться защита таких мер, как взятие власти, национализация средств производства, построение и поддержание, любой ценой, централизованного планового хозяйства. Без реализации этих мер в XXI веке о каком-либо переходе к социализму (т.е., к общественному устройству, обеспечивающему выживание человечества) невозможно и думать.

⁵ См. Грегори, Пол, указанное сочинение, С.159-161, 334

⁶ См, например, Ханин Г.И. «Советское экономическое чудо 40 -50-х годов: миф или реальность?»
www.khanin.socionet.ru

К вопросу о социалистической перспективе в России. Введение в тему.

Что же означает все вышесказанное применительно к России?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно, прежде всего, дать хотя бы краткий очерк основных тенденций экономического развития нашей страны.

И методологически нас должно интересовать, прежде всего, вот что: на что у России больше шансов в XXI веке — стать одной из зон регресса? Или же, напротив, Россия станет, с высокой вероятностью, одним из островков благополучия?

Специфика российской ситуации определяется, в основном, тем, что Россия, как и другие постсоветские государства — это развитое индустриальное общество, претерпевшее совершенно беспрецедентную деиндустриализацию.

Провальность 1990-х годов уже стала общим местом. В то же время, 2000-е годы, якобы, были периодом восстановления и роста. До некоторой степени это утверждение соответствует истине. Но более правильно было бы сказать, что 2000-е стали периодом стабилизации. Экономическое развитие продолжилось, но на том, качественно и количественно низком уровне, на который страна спустилась в предыдущее десятилетие.

Именно такое положение вещей подтверждается массой данных, даже если брать только официальную статистику.

Так, например, и 1990-е, и 2000-е были годами спада в такой, немаловажной сфере, как сельское хозяйство.¹ Колоссальный упадок сельского хозяйства очевиден по всем параметрам: и посевная площадь, и производство основных продуктов растениеводства, в том числе зерновых, и поголовье скота и птицы, и внесение удобрений, и обеспеченность сельскохозяйственных организаций сельскохозяйственной техникой, и энерговооруженность.

Но сельское хозяйство, несмотря на его важность, можно рассматривать, как довольно специфическое явление. Рассмотрим более подробно динамику машиностроения и производства электротехники за 1970-2000-е годы, выраженную в натуральных показателях:

13.83. Производство основных видов машин и оборудования²

¹ См. Российский статистический ежегодник 2008, С.444-447

² См. Российский статистический ежегодник, 2008 С. 426

Ди- зе- ли и ди- зель- ге- не- ра- то- ры, тыс. шт.	1970 37,4	1980 37,3	1990 23,2	1995 4,1	2000 4,8	2001 4,3	2002 4,3	2003 3,5	2004 2,3	2005 2,0	2006 1,9	2007 2,5
Тур- би- ны, млн. кВт	11,7	13,2	12,5	5,1	2,1	1,8	3,9	4,0	5,0	5,0	4,7	5,6
На- со- сы цен- тро- беж- ные, па- ро- вые и при- вод- ные, тыс. шт.	...	832	752	213	261	218	209	229	226	237	282	299
Под- шип- ни- ки ка- че- ния, млн. шт.	486	779	784	304	257	252	224	213	204	161	155	122
Кра- ны мо- сто- вые элек- три- че- ские (вклю-	3927	3370	2943	370	638	683	655	643	468	729	554	936
						33						

13.86. Производство основных видов продукции электрооборудования, электронного и оптического оборудования³

³ Там же, С. 427

	1970	1980	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Персональные ЭВМ, тыс. шт.	313	62,3	70,8	136	243	247	308	356	590	1329
Генераторы к паровым, газовым и гидравлическим турбинам, млн. кВт	7,8	13,9	8,0	2,8	1,4	3,8	3,4	4,0	3,8	5,0	4,8	4,9
Генераторы переменного тока мощностью свыше 100 кВт, шт.	5058	5241	3875	1241	1527	2281	1226	1718	2108	2113	2332	2247
Электромаш-	14,8	22,8	21,2	4,6	4,1	4,1	3,3	3,8	4,0	4,4	4,6	5,2
						35						

Из таблицы отчетливо видно, что за вычетом буквально нескольких наименований (холодильники, персональные ЭВМ, телевизоры, кабели телефонной связи) объем производства всех остальных «основных видов машин и оборудования» даже в 2007 году, после восьми лет экономического роста, в последний год перед кризисом 2008-2009 годов, в разы меньше, чем объем их производства в последние десятилетия СССР, часто — несопоставимо меньше. Всеобщность этой тенденции показывает, что речь идет не о замене одних производств, устаревших и неконкурентоспособных, другими, современными, а об общей стагнации. Если причина происходящего — неконкурентоспособность, значит, все российское машиностроение, все российское производство оборудования — неконкурентоспособно.

Этот последний вывод подтверждается и данными по структуре российского экспорта.

25.8. ТОВАРНАЯ СТРУКТУРА ЭКСПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ⁴ (в фактически действовавших ценах)

⁴ См. там же, С. 768.

	1995 Млн. долл. США	1995 В про- цен- тах к ито- гу	2000 Млн. долл. США	2000 В про- цен- тах к ито- гу	2003 Млн. долл. США	2003 В про- цен- тах к ито- гу	2004 Млн. долл. США	2004 В про- цен- тах к ито- гу	2005 Млн. долл. США	2005 В про- цен- тах к ито- гу	2006 Млн. долл. США	2006 В про- цен- тах к ито- гу	2007 Млн. долл. США	2007 В про- цен- тах к ито- гу
Экс- порт	7821	7100	10309	9500	13365	5100	18160	1000	24147	1000	30124	4400	35256	6800
— все- го														
в том чис- ле:														
про- до- воль- ствен- ные то- ва- ры и сель- ско- хо- зяй- ствен- ное сы- рье (кро- ме тек- стиль- но- го)	1378	1,8	1623	1,6	3411	2,5	3292	1,8	4492	1,9	5514	1,8	9073	2,6
ми- не- раль- ные про- дук- ты	3327	842,5	5548	853,8	7659	357,3	10495	67,8	15637	64,8	19863	65,9	22844	64,8
про- дук- ция хи- ми- че- ской	7843	10,0	7392	7,2	9159	6,9	37 1200	36,6	1436	76,0	1675	75,6	2080	65,9

Доля машин, оборудования и транспортных средств, в российском экспорте неуклонно сокращалась как в течение 1990-х, так и в 2000-е годы. Еще в 2000 году она составляла 8,8%, а в 2007 году — уже 5,6%. Неуклонно снижалась и доля других промышленных товаров. Между тем, за тот же период (2000-2007) доля минеральных продуктов в экспорте выросла с 53,8% до 64,8%.

Однако, вряд ли возможно отрицать, что в промышленной экономике именно машиностроение является ключевой отраслью. От того, насколько оно развито, зависит функционирование всех без исключения остальных отраслей экономики.

Непрерывное совершенствование машин и оборудования, обновление основных средств производства, повышение энерговооруженности и т.п. — это наиболее важный механизм развития в капиталистическом индустриальном обществе. Собственно говоря, это тот механизм, которому капиталистическое общество обязано своими огромными успехами.

Именно этот механизм позволяет повышать производительность труда, что, в свою очередь, создает возможность для одновременного увеличения зарплаты наемных работников и прибыли капиталистов. Другое дело, что, как отмечалось выше, в рыночной капиталистической экономике постоянный, бесперебойный рост производительности невозможен, что сам по себе процесс обновления основных фондов не может происходить при капитализме иначе, чем посредством более или менее тяжелых периодических кризисов.

Применительно к России для нас сейчас важно другое: если промышленность лишена возможности обновлять свои основные фонды в должной мере, т.е., иначе говоря, повышать производительность труда за счет технологического совершенствования средств производства, то это значит, что единственный способ для подобной капиталистической промышленности хоть как-то выживать (речь в подобном случае идет лишь о выживании, но не о развитии) — это сверхэксплуатация рабочих и «социализация расходов», т.е. постоянное паразитирование на государственном бюджете.

С другой стороны, если машиностроение в определенной стране не развито, а промышленное производство ведется, это свидетельствует о крайне высокой степени зависимости данной страны от импорта, т.е., от мировой капиталистической системы, от тенденций и колебаний рыночной конъюнктуры.

В российском случае мы имеем и зависимость от импорта (обеспечиваемого, в свою очередь, лишь за счёт экспорта, крупнейшей статьёй которого являются невозполнимые природные ресурсы), и высокую изношенность основных фондов.

По официальной статистике, степень износа основных фондов российской экономики составила на конец 2008 года, **43,6%** по коммерческим организациям, и **42,9%** по некоммерческим организациям. Стоит отметить, что степень износа основных фондов коммерческих организаций по сравнению с 2003 годом уменьшилась лишь на одну десятую процента (с **43,7%** до **43,6%**), в то время как по некоммерческим организациям она крайне ощутимо выросла, с **32,9%**, до **42,9%**.

«Объем ввода в действие всех основных фондов в коммерческих организациях (без субъектов малого предпринимательства) в 2008г. в 2,1 раза превышал объем начисленного за этот год износа, в том числе машин, оборудования и транспортных средств — соответственно в 1,8 и 2 раза. С учетом разницы в ценах, стоимость годового ввода новых

машин, оборудования и транспортных средств лишь более или менее компенсирует их годовой износ. При этом она явно недостаточна для преодоления наблюдающейся длительной тенденции старения машин, оборудования и транспортных средств»⁵ — признают сотрудники Федеральной службы государственной статистики.

Это очень показательно, если учесть, что как раз последние предкризисные годы, 2006-2008, были годами наибольших, за весь предкризисный период, инвестиций в основные фонды.

Однако, как мы видим, даже наиболее высокие темпы экономического роста не позволили ощутимо переломить ситуацию с изношенными основными фондами. Это и не удивительно, если вспомнить, что в те же самые годы, когда росли инвестиции в основной капитал, ускорился и сам износ. Например, в коммерческих организациях он вырос с 4,3% за год в 2003, до 6,1% за год в 2008.

Средний износ машин и оборудования в российской экономике, по сведениям вышеприведенного источника, в 2008 году составил 50,6%, превысив, таким образом, средний износ основных фондов, взятых в целом.

В то же время, важно отметить следующее: официальные данные по износу основных фондов не отражают реального положения вещей. Под «степенью износа» в официальной российской статистике понимается начисленная амортизация. Между тем, начисление амортизации, чаще всего, носит формальный характер; ее размер определяется не экспертной оценкой реального состояния фондов, а рассчитывается, исходя из срока полезного использования фондов и их первоначальной стоимости. Поэтому сама Федеральная служба государственной статистики, в своих «Методологических положениях по статистике», признает:

«Данный показатель не показывает реальную степень износа основных фондов, а отражает утрату основными фондами стоимости в процессе эксплуатации по нормам и методам, установленным для целей бухгалтерского учета».⁶

Однако то, что «степень износа», указываемая официальной статистикой, не отражает напрямую физический износ оборудования, еще не самая большая проблема. Более сложная проблема состоит в том, что эта статистика не отражает моральный износ оборудования, т.е., утрату им конкурентоспособности.

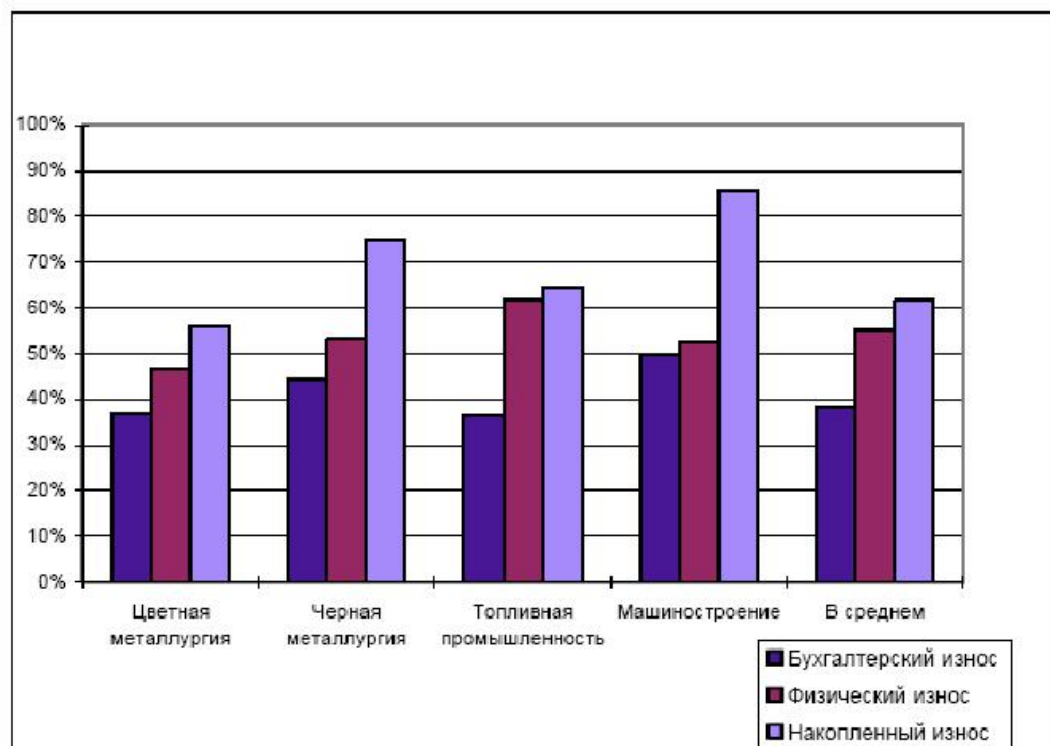
В результате, недостатки принятых методов статистического наблюдения приводят к тому, что бухгалтерская «балансовая стоимость» основных фондов часто оказывается ниже их восстановительной стоимости. Иначе говоря, формальная, учитываемая официальной статистикой, стоимость основных средств производства какого-либо предприятия меньше тех сумм, которые понадобилось бы потратить, чтобы заново приобрести аналогичные, т.е. такие же, или выполняющие такие же функции, средства производства.

По некоторым оценкам, относящимся к середине 2000-х годов, и основывающимся на выборочных обследованиях, физический износ основных фондов предприятий российской промышленности был выше бухгалтерского, а накопленный совокупный

⁵ Федеральная служба государственной статистики, Статистический бюллетень 2009 // О состоянии, обновлении и видовой структуре основных фондов.

⁶ Методологические положения по статистике, выпуск 5, 2.1.1. МЕТОДОЛОГИЯ СОСТАВЛЕНИЯ БАЛАНСА ОСНОВНЫХ ФОНДОВ ПО ПОЛНОЙ УЧЕТНОЙ И ОСТАТОЧНОЙ БАЛАНСОВОЙ СТОИМОСТИ И БАЛАНСА ОСНОВНЫХ ФОНДОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОБСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН

износ (т.е., с учетом морального устаревания) — выше и бухгалтерского, и физического.⁷

Если же считать, как утверждают некоторые авторы,⁸ что разрыв между балансовой стоимостью основных фондов и (более высокой) восстановительной стоимостью был характерен не только для постсоветской, но и для советской экономики на протяжении многих десятилетий, то это значит, что амортизационные отчисления вообще не могут быть, в большинстве отраслей российской экономики, адекватными, потому что рассчитываются, исходя из (систематически заниженной) стоимости старых основных фондов. В этом случае, балансовая стоимость ОФ оказывается, в среднем, по российской экономике, в несколько раз меньше восстановительной, а начисленный износ — в несколько раз заниженным[31].

Очевидно, что должна быть проделана еще значительная работа по выявлению действительного состояния основных фондов российской экономики, тем более, что централизованной, общеобязательной переоценки основных фондов не проводилось уже с 1997 года.

Ограничимся, в данный момент, цитированием некоторых документов, имеющих хождение в официальных кругах, и посвященных состоянию той отрасли, которую мы рассматриваем, как ключевую — т.е., состоянию машиностроения.

⁷ Морина Н., ЗАО Оценка-консалтинг, Справедливая оценка стоимости основных средств при переходе на МСФО (Международные стандарты финансовой отчетности).

⁸ См., например, Ханин Г.И., Полосова О.И., «За верную цифру: экономическая статистика России,

Вот как состояние машиностроения расценивалось в документе, подготовленном Союзом машиностроителей России (отраслевым объединением крупнейших предприятий отрасли) — в Концепции формирования государственной комплексной программы развития машиностроения в России»⁹ в 2008 году, непосредственно перед кризисом. Подчеркнем, что оценка состояния машиностроения давалась отраслевыми специалистами после почти десятилетнего периода стабильности и экономического роста.

Итак,

*«...ряд специфических особенностей, присущих только машиностроительным предприятиям, сделали кризис машиностроения наиболее глубоким и болезненным. К числу этих особенностей следует отнести: относительно низкий уровень рентабельности производства, высокий уровень накладных расходов, энергоемкости и металлоемкости технологий, длительный производственный цикл и, как следствие, длительный период возвратности инвестиций. Машиностроительное предприятие имеет также относительно низкий уровень фондоотдачи, высокий уровень специализации и милитаризации, потребность в дорогостоящем высокотехнологичном оборудовании и, безусловно, в высококвалифицированных инженерно-технических и рабочих кадрах ... к 2001 году завершилась фаза непосредственного использования преимуществ посткризисной экономики (1998 г.). В 2001-2002 годах факторы роста производства, связанные с импортозамещением и активизацией экспорта, практически исчерпываются. Причиной стало сокращение ценового разрыва между импортной и отечественной продукцией вследствие постоянного роста тарифов на энергоносители, транспортные перевозки, цен на комплектующие изделия и издержек, связанных с экономически недостаточным объемом продаж. С 2002 года начинается замедление темпов роста производства по многим видам машиностроительной продукции, а в станкоинструментальной промышленности, тракторном и сельскохозяйственном, металлургическом машиностроении и автомобилестроении наметились устойчивые тенденции к спаду производства. В целом по машиностроению темпы роста становятся почти в два раза ниже, чем в среднем по промышленности. Рентабельность производства, имевшая после 1998 года тенденцию к росту, вновь снизилась, а количество убыточных предприятий опять поднялось до 40,9%. Ухудшилось финансовое состояние машиностроения, которое характеризуется двукратным превышением кредиторской задолженности над дебиторской. Просроченная кредиторская задолженность, приходящаяся на отрасль, составляет в настоящее время почти четверть от всей просроченной задолженности в промышленности и продолжает расти...**К сожалению, кратковременный всплеск роста производства не привел машиностроение к решению главной задачи — модернизации оборудования и технологий, прежде всего, из-за недостаточных инвестиций в основной капитал и низкой инновационной восприимчивости предприятий....** Между тем, физический и моральный износ основных средств производства достиг критического уровня (от 65 до 75%). Выбытие основных фондов идет с темпом 1,5-2,5% в год, тогда как годовой темп обновления технологической базы не превышает 0,1-0,5%. При этом удельный вес производств, соответствующих пятому тех-*

хозяйственная жизнь, и экономическая политика». www.khanin.socionet.ru

⁹ См. http://vpk.name/news/18036_podgotovlena_koncepciya_formirovaniya_gosprogrammyi_razvitiya_mashinostroeniya.

нологическому укладу, возникшему в развитых странах в 90-е годы, составляет лишь 8%.

В наиболее сложном положении оказалась важнейшая отрасль машиностроения — станкостроение, определяющая технологический уровень всего машиностроительного комплекса. Здесь, потребность в обновлении станочного парка составляет \$1,5-1,8 млрд. долларов (если ее принять в 10% в год от имеющегося парка в 2,2 млн. штук), но она практически не обеспечена платежеспособным спросом»[33].

Таким образом, «Концепция недвусмысленно констатирует: экономический рост 2000-х отнюдь не смог переломить тенденцию стагнации и упадка в том, что касается машиностроения в целом, а еще менее — применительно к станкостроению, которое «определяет технологический уровень всего машиностроительного комплекса». Совокупный (физический и моральный) износ основных фондов составляет, по оценке отраслевиков, от 65% до 75%; инноваций не хватает (как и кадров), производства, оснащенные современным оборудованием, составляют менее десяти процентов от общего числа. Также в Концепции отмечается: для того, чтобы обеспечивать регулярное обновление основных фондов и поддерживать, тем самым, конкурентоспособность промышленности, необходимо, чтобы удельный вес машиностроения в промышленном производстве был не ниже 30-35%. В развитых капиталистических странах доля машиностроения в промышленности составляет, в среднем, 35-50%, в позднем СССР она составляла 40%, в РФ она составляла 16% в 1990-е годы, и стабилизировалась на уровне 20% вскоре после начала экономического роста рубежа десятилетий (1990-2000-е гг.).

Приведем еще одну недвусмысленную и красноречивую цитату из проекта «Стратегии развития тяжелого машиностроения на период до 2020 года», разработанного в 2009 году по поручению Правительства РФ:

«Еще один важный фактор, сковывающий развитие российского машиностроения в целом и тяжелого в частности — высокий уровень старения производственных мощностей. Причем речь не только о физическом износе основных фондов, достигающего 50%, несмотря даже на проведенные в течение последних лет мероприятия по модернизации на некоторых предприятиях. Отсутствие инвестиций в развитие или инвестирование лишь в поддержание на прежнем уровне производственных фондов законсервировало производственные технологии российского тяжелого машиностроения на уровне 60-80-х годов прошлого столетия. В результате российские предприятия зачастую неспособны конкурировать с ведущими зарубежными производителями ни по срокам выполнения заказа, ни по стоимости оборудования, ни по технико-экономическим параметрам продукции, ни по её надежности в эксплуатации.

Сегодня отрасль неуклонно сдает позиции в конкурентной борьбе с иностранными производителями...»[34]

В цитируемых выше документах много говорится о нехватке, и недостаточном финансировании, новых научных, технологических разработок. Действительно, если машиностроение, производство оборудования — это ключевой сектор капиталистической экономики, то для своего успешного развития он, в свою очередь, нуждается в развитой и успешной науке. Между тем, упадок науки происходил в 1990-е, и продолжился в 2000-е гг.

Этот упадок выражался и в беспрестанном сокращении числа занятых, и в износе оборудования, задействованного в научных исследованиях, и в отрицательном сальдо торговли научными разработками. Существенным нефинансовым показателем кризиса российской науки стало беспрестанное сокращение индекса цитирования работ российских ученых международным научным сообществом¹⁰.

Подчеркнем еще раз — развал ключевых отраслей: машиностроения, науки, сельского хозяйства, и целого ряда других, о которых мы не говорили, за недостатком места и времени, продолжался в сверхблагоприятные для российской экономики 2000-е годы. Продолжался потому, что это отрасли, которые требуют больших объемов инвестиций, не обещают, в большинстве случаев, немедленной отдачи, и сильно страдают от международной конкуренции. Проиграв 1990-е годы, капиталистическая Россия потеряла и то место, которое ранее занимали сложные, технологически передовые, наукоемкие российские производства.

Проще говоря, России, постольку, поскольку она остается частью мирового капиталистического рынка, ни машиностроение, ни наука, ни сельское хозяйство не по карману. Это означает, что долгосрочными тенденциями остаются:

- высокая зависимость от импорта; импорт же может обеспечиваться только за счёт экспорта, за счёт его единственной конкурентоспособной составляющей — экспорта природных ресурсов
- старение всех основных фондов, во всех отраслях, за исключением отдельных островков благополучия, особенно связанных с ТНК¹¹
- вялотекущая деиндустриализация
- сохранение и воспроизводство целых городов и областей, как зон беспросветного регресса
- сверхэксплуатация трудящихся, как единственный способ хоть как-то поддерживать на плаву большую часть производств
- массовая бедность, увековечивающая узость внутреннего рынка, и, подрывающая, в свою очередь, развитие производства.

Высокая зависимость российской экономики от мирового рынка подразумевает уязвимость перед лицом колебаний конъюнктуры, что, в сочетании с узостью внутреннего рынка, ставит под вопрос возможность осуществления любых долгосрочных программ, нацеленных на изменение сложившейся экономической модели.

Отвечая на вопрос, которым мы предваряли это отступление, следует сказать, что А) у капиталистической России значительно больше «шансов» остаться в XXI веке зоной капиталистического регресса, чем оказаться в числе регионов относительного благополучия. Б) катастрофичность подобного сценария именно для России опреде-

¹⁰ См. Индикаторы науки 2009. Статистический сборник. М. 2009, С. 19-20, 34, 44, 50, 98, 101-102, 231, 251.

¹¹ Кстати сказать, это означает и неизбежность постоянных, и все более частых, техногенных катастроф.

ляется тем, что здесь речь идет не просто о консервации отсталости, а о консервации такого уровня, который сам возник в результате колоссального спада 1990-х годов, и с которым несовместимо сохранение, воспроизводство социально-экономического устройства России, как «современного», индустриального, урбанизированного и т.д., общества.

Несколько слов о социальном измерении.

Деиндустриализация в России 1990-х и 2000-х годов не могла не оказать колоссального влияния на социальную структуру российского общества, на преобладающие типы занятости, на изменение социального поведения и социальной психологии. Описание всех этих сдвигов должно быть предметом отдельной большой работы (точнее говоря, целого многотомного цикла исследований). Здесь, в кратком, и, по существу, политическом, тексте, подобным исследованиям, даже в самом кратком виде, не место. Поэтому ограничимся тем, что укажем на изменения структуры занятости в 1990-е и 2000-е годы, масштаб и направленность которых дают, в первом приближении, некоторое представление о происходящем.

Вот данные о динамике структуры занятости в России 1970-х -1990-х годов.

6.6. СРЕДНЕГОДОВАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ЗАНЯТЫХ В ЭКОНОМИКЕ ПО ОТРАСЛЯМ¹

¹ Российский статистический ежегодник, 2001, С.141.

	1970	1975	1980	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000			
Ты- сяч че- ло- век																		
Все- го в эко- но- ми- ке	6400	6884	7327	7493	7532	7207	7085	7848	6640	6595	6469	6381	6396	6432	73848			
Про- мыш- лен- ность	2121	2244	1238	1224	1752	2809	2240	7213	2408	5185	7617	1616	3661	4905	1416	2142	9714	543
Сель- ское хо- зяй- ство	1223	7112	1810	7191	1040	5972	9736	1010	11010	3102	7897	4492	6185	9287	2484	9583	70	
Лес- ное хо- зяй- ство	266	278	284	282	238	234	235	244	250	259	247	240	239	243	239			
Стро- и- тель- ство	5549	6546	7009	7083	9020	8488	7887	7140	6788	6208	5875	5664	5094	5083	5002			
Транс- порт	4763	5447	6076	6352	4934	4876	4770	4564	4483	4375	4351	4279	4013	4060	4139			
Связь	801	913	965	983	884	874	862	844	871	875	869	845	839	859	872			
Опто- вая и роз- нич- ная тор- гов- ля, об- ще- ствен- ное пи- та- ние	4822	5546	6060	6222	5869	5626	5679	6374	6484	6676	6795	8725	9312	9320	9421			
Жилищ- но- коммунальное хо- зяй-	2002	2423	2848	3054	3217	3159	2988	2982	3020	2979	3203	3356	3405	3361	3317			

Из приводимой таблицы видны некоторые реальные параметры «деиндустриализации», о которой речь шла выше. Сокращение численности людей, занятых в промышленности, с 24 миллионов, в 1990-м году, до 14,5 миллионов в 2000-м.² Сократилось число занятых в сельском хозяйстве, строительстве, науке (в этой последней — с 2804 тысяч человек, до 1201 тысячи). Но более чем в полтора раза выросло число занятых в торговле, и почти в два раза — число занятых в управлении. В процентном выражении эти изменения выглядят еще более резко.

В 2000-е годы разбивка по видам занятости, используемая официальной статистикой, была отчасти пересмотрена. Тем не менее, данные в новой разбивке за 2000-2007 годы подтверждают, что тенденции 1990-х, в плане структуры занятости населения, продолжали действовать и в 2000-е годы.

5.5. СРЕДНЕГОДОВАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ЗАНЯТЫХ В ЭКОНОМИКЕ ПО ВИДАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ³

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
--	------	------	------	------	------	------	------	------

| Тысяч человек

² Российский статистический ежегодник, 2001, С. 142

³ Российский статистический ежегодник, 2008, С.138

Все- го в эконо- мике	64517	64980	65574	65979	66407	66792	67174	68019
В том числе по видам экономической деятельности:								
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	8996	8509	8229	7796	7430	7381	7141	6925
рыболовство, рыбоводство	138	134	120	116	113	138	146	145
добыча полезных ископаемых	1110	1205	1163	1112	1088	1051	1043	1040
обрабатывающие производства	12297	12202	12082	11932	11787	11506	11359	11368
производство и распределение электроэнергии, газа и	1886	1918	1890	1890	1900	1912	1923	1909
				48				

Продолжилось сокращение числа занятых в промышленности и сельском хозяйстве, продолжился рост числа занятых в торговле, финансовой деятельности, управлении. Разумеется, мы не наблюдаем в 2000-е годы таких же резких сдвигов, как в 1990-е. Скорее, происходит консервация ранее сложившейся структуры занятости.

В связи с этим нужно отметить вот что: безусловно, что в широком смысле слова подавляющее большинство наемных работников может быть отнесено к рабочему классу. Однако представление о том, что именно промышленный рабочий класс есть ядро пролетариата, имело определенные основания, например, то, что крупное промышленное производство, при прочих равных, представляло собой естественную материальную предпосылку для самоорганизации рабочих. В нашем же, российском случае, резкое изменение структуры занятости в 1990-е годы означало распад множества трудовых коллективов, которые были, в советское время, не только производственными единицами, но и важными узлами социальных связей для почти всего населения. Теперь же миллионы человек были вырваны из своего социального окружения, распылены, атомизированы. Именно здесь, в общем-то, самая глубокая основа той пассивности⁴, неготовности к коллективным действиям, ориентации на индивидуальное выживание, которые превалируют в российском обществе.

Воспроизводство той экономической модели, основные черты которой описаны чуть выше, будет способствовать сохранению этой распыленности населения, и препятствовать формированию устойчивой культуры солидарности. В этом направлении толкает стагнация крупных производств, в сочетании с массовой бедностью, вынуждающая массы людей к трудовой миграции из депрессивных регионов в более благополучные, к различным видам неформальной занятости, к занятости в мелких предприятиях и к samozанятости.

Исходя из этого, маловероятным является органическое развитие сильного, самоорганизованного, устойчивого протестного, например, профсоюзного массового движения. Скорее стоит ожидать воспроизводства уже сложившейся модели — протестов, относительно стихийно вспыхивающих в тот момент, когда происходит очередное ухудшение жизненной ситуации трудящегося большинства, в том или ином аспекте.

Процесс формирования и «развития» капиталистического класса в России был и остается одновременно процессом социальной и экономической деградации, и процессом отказа государства от своих прежних «правомерных функций», к которым в СССР относилось поддержание всей жизнедеятельности общества, и обеспечение определенных стандартов социальной справедливости. Развитие капитализма в России обуславливалось и обуславливается приватизацией, уничтожением, или, как минимум, понижением функциональности государственных институтов и производственных комплексов, в совокупности обеспечивавших воспроизводство общества, и самих основ цивилизованной жизни.

Поэтому неудивительно, что большая часть протестной активности в России направлена (и будет направлена в дальнейшем) против тех или иных последствий этого всеобъемлющего разрушения. К этому сводятся протесты бюджетников — ра-

⁴ См., например, Карин Клеман, «Размышления о причинах коллективной пассивности», 2006, <http://www.ikd.ru/node/114>

ботников социальной сферы, и, в определенной степени, потребителей их услуг, против «коммерциализации» социальной сферы, против закрытия школ и больниц; к этому сводятся требования рабочих о национализации предприятий, где они работают, и о восстановлении раздробленных, растащенных на куски хозяйственных комплексов⁵. Только восстановление «правомерных функций государства» в жилищно-коммунальном хозяйстве позволит преодолеть глубокий упадок этой сферы, служащей, ныне, полем для самых разнообразных недовольств и протестов. Беспрецедентная волна пожаров, летом 2010, сделала очевидным для всего общества глубокий упадок лесохозяйственного комплекса. В итоге, необходимость возвращения государства в лесное хозяйство, восстановления единой лесохозяйственной, и, шире, природоохранной системы, стала несомненной для значительного числа граждан. **Говоря короче, борьба за восстановление «правомерных функций государства» в сегодняшней России — это и есть главное, стратегическое направление классовой борьбы, и, одновременно, борьбы за общенациональные интересы, интересы всего общества в целом.**

При этом, слабая организованность подобных вспышек протеста, распыленность народных масс означает, что все эти выступления, сами по себе, не приведут ни к чему. Максимум, что они могут дать — это замена одного буржуазного правительства другим, не менее губительным, или, в последнем счете, сползание к сомалийскому варианту. Чтобы развернуть эти протесты в иную сторону, понадобится политическая организация, не пытающаяся механически соединять требования социальных движений (которых, по факту, все равно нет), и не равняющаяся на текущие требования стихийных протестов, а выдвигающая программу, в которой содержался бы ответ на вопрос: как ликвидировать причины всех этих протестов?

А этот ответ заключается именно в восстановлении правомерных функций государства, и реализации, на этой основе, целостной программы реконструкции и развития. Такая программа, вероятно, будет подразумевать:

- Реконструкцию и развитие, с учетом экологической ситуации, энергетики и промышленности
- восстановление научного потенциала
- возрождение сельского хозяйства и обеспечение продовольственной независимости страны
- удовлетворение базовых потребностей населения и возрождение социальной сферы (всеобщая доступность которой, сама по себе, есть важный фактор уравнительного распределения); планомерное восстановление и развитие жилищно-коммунального хозяйства
- восстановление обороноспособности

Думаю, что именно такими должны быть очертания «правительственной программы» социалистов, с которой, и вокруг которой должно начинаться формирование новой политической силы.

⁵ как это было, например, в нашумевшем пикалевском случае в 2009 году.

Н. Вилонов.

[31]

[33]

[34]

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Н. Вилонов
Еще раз о задачах социалистов
Несколько слов о нашей программе
2010

отсутствует

Данный текст левацкий и, конечно, неанархистский, он тут в нашей библиотека
нечаянно и из-за множества цифр.

ru.theanarchistlibrary.org